

31
ГЛЕБ ПУШКАРЕВ

В ХРЕБТАХ АЛТАЯ

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ВОЗРАСТА

49

Государственная библиотека
Республики Алтай
БИБЛИОТЕКА

СИБКРАИИЗДАТ

1930

НОВОСИБИРСК

26.890(2P55-4A1-6T)99
17912

Обложка худ. А. Заковряшина.

Сибкрайлито № 566 от 10/IX 1929 г.
гор. Новосибирск,
тип. СИБПОЛИГРАФТРЕСТА.
Заказ № 5272 — Тир. 8.000.

еА

548982 ж

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Калужна

5-ПГ-ВХА

НЕОЖИДАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ВЫШЛО ВСЕ ЭТО совершенно неожиданно. Мечтали ула-
линские ребята побродить по Алтаю, посмотреть его при-
роду, богатства, хоть немного изучить свой край, но не было
денег, и из года в год путешествие откладывалось. А тут
подобралась тройка крепких ребят, которые решили твердо:

— Все равно едем.

Собрали по знакомым все необходимые в далеком путе-
шестве вещи, раздобыли за очень дешевую плату лошадей
напрокат с обязательством их возврата, небольшую сумму
денег смогли дать родители, а когда все увидали, что ребя-
та собрались всерьез, то помогли им и кое-какие организации.

Ехало четверо: Виктор Головин, Алексей Петров, Гри-
горий Аламбаев-калмык, не бывавший еще в глубине Алтая
и проводник-владелец лошадей.

Нашли винтовку малопульку, кожаные сумы для бага-
жа и провизии.

Виктор назначался старшим. Стоя у карты, он водил
пальцем из конца в конец, выбирая более удобные места для
путешествия. Путь предстоял большой. За 2 с половиной ме-
сяца нужно было от г. Улалы, областного города Ойротии,
пересечь весь Алтай, перебраться через Белуху и спуститься
на Бухтарму—реку Казакстана.

Виктор читал по карте: территория Ойротской автоно-
мной области занимает 90689 кв. километров. Население
86971 человек, распределяющихся по 10 аймакам в 690 насе-
ленных пунктах.

— Здорово, — заметил Виктор. — Выходит что на 1 кв
километр приходится меньше одной души... Фью

он. Слышь—ребята, меньше одной души, а в Германии на 1 кв. километр приходится 134 души, в Бельгии—256 и в центральной части РСФСР 20 душ. Вот это я понимаю.

Григорий поднял голову на карту и загудел:

—Хорошая страна! Горы, озера, ледники... Ты гляди,— и он ткнул пальцем в карту.

Карта переливалась коричневыми красками. От бледного она перебегала почти к черному и так же быстро спускалась на светлую. Синие жилки обняли, сцепили темные пятна со щупальцами во все стороны, связали их, стеклись сами в жгуты и протянулись двумя голубыми лентами к северу. Ряд голубых пятен, больших и малых, васильками выглядели среди коричневых пятен. Это горные озера разбросались по всей карте, и на темных коричневых пятнах белелись полосы снегов—ледники.

На вьючных лошадях, в сумках было достаточно набито всякой провизии. Тут сухари, мука, консервы, копченые колбасы, сгущенное молоко, аптечка, посуда разная, спирт, вино на всякий случай, ножи, топоры, таганы, починочный материал, а у седел каждого мешки с бельем, подушкой, одеялом и шубой.

В ОКРЕСТНОСТЯХ ЧЕМАЛА

В ЧЕМАЛЕ ребят потащили первым делом осматривать горы. Лес начинался сразу же во дворе школы, в которой остановились путешественники. Взбежав на каменный взгив, ребята попали в темную чащу сосняка, ели и мелкого маральника с жесткими пахучими листиками. Узкая каменистая дорожка брала все вправо на под'ем, и когда минут через 10 они поднялись на гору, где-то далеко, внизу, в расщелине двух гор, блеснула молочной лентой Катунь, посреди которой темно-синей полоской разливалась прозрачно-чистая вода.

Ребята остановились и с удивлением глядели на эту игру реки.

Чемальцы тащили дальше.

— Не торопитесь...

Впереди высилась шапка каменных глыб, влезających пластами плитняка вверх.

— Вот и Сторожевой камень,—заявили чемальцы и полезли наверх.

Отсюда прямо перед глазами зиял страшный обрыв, поросший узкими полосками кустарника, а внизу, среди зеленой каймы, деревня. Бешено неслась изумрудная прозрачная река. Она с ревом налетала на камни, перебрасывалась через них, забиваясь в пену, срывалась легкими водопадами

и так же бешено влетала в Катунь—заленю прозрачных вод. Вода не смешивалась с мутноводной Катунью, а долго текла так, пока мутные волны Катунь не поглощали ее целиком.

Кругом горы. Они цепями обступили Чемал и уходили в бесконечную даль, поражая обилием красок. Впереди темно-зеленые, дальше синие, там туманно-синеватые, розоватые и за ними белые шапки ледников. И далеко в туманной дали белела, извиваясь, Катунь.

Катунь в диком беге налетала на скалы, рвала их, бешено бросалась в сторону, чтобы опять наскочить с другой стороны. Она как будто кричала, воя, бесновалась, и шум ее рева доносился сюда, на вершину Сторожевой горы.

— Ох, и силища,—заметил Алексей.—Попробуй-ка переплыть через нее на лодке.

— Плавают, — заметил один из чемальцев, — только не везде. Тут убьет. А против Чемала плавают.

— Силища большая,—заметил другой и добавил,—даже зимой не замерзает. Там, где потише, она перекидывается ледяными мостами, а вся не замерзает никогда.

— А что, если бы здесь поставить силовую станцию,—вспомнил Григорий,—я думаю, этой силы хватило бы на много.

— А что ж,—поднялся с камня чемалец,—уже исследования были. Тут есть у нас порог Тельдекпень,—и он махнул рукой на горы,—километров 40 отсюда. Там в прошлом году делали опыты и нашли, что силовая станция Тельдекпень может поднять половину двигателей Сибири. В Сибири двигателей на 47 тысяч лошадиных сил, а Тельдекпень может дать 24 тысячи лошадиных сил.

— А почему этот камень называется Сторожевым? — вспомнил Алексей и взялся за карандаш.

Р. Чемал близ устья

— Сторожевым! Отсюда древние народы наблюдали за неприятелем. Отсюда видно все: кто бы ни подходил за несколько верст к Чемалу, все видно. Смотри сам.

Чемалец показал рукой в сторону.

Километра за три по узкой тропинке ехал верховой и он весь был, как на ладони.

К ребятам подошел учитель — естествовед Александр Иванович.

Он весело кивнул им и спросил:

— Ну, как — налюбовались?

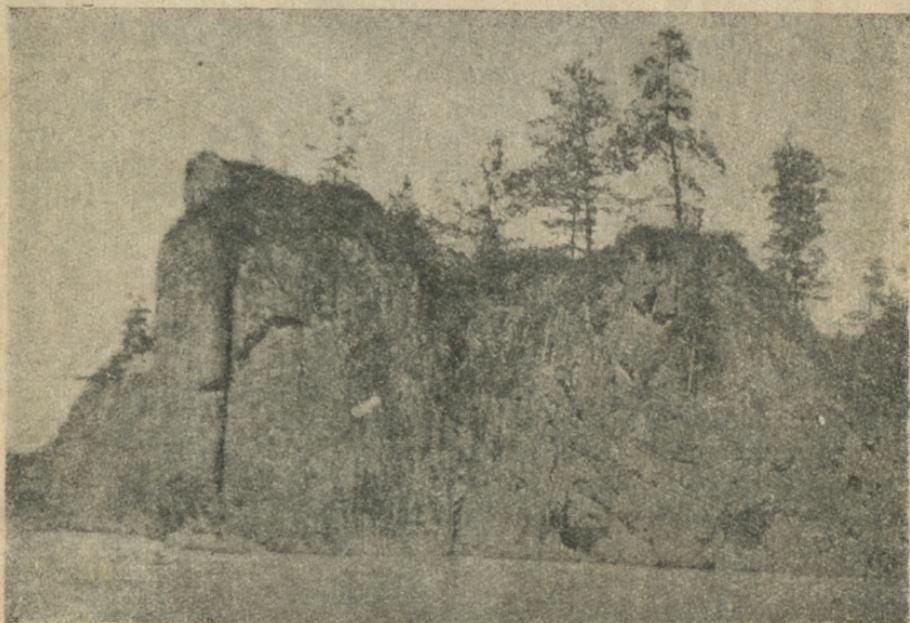
— Хорошо, — ответил Виктор и встал.

— А что у вас еще интересного есть?

— Найдется, — улынулся Александр Иванович. — Пойдемте к селу, покажу кое-что.

Они повернули к селу.

Отороченное справа горой и слева белой Катунью, неровными кучками домов разбросалось село, как будто при-шлепнулось, прижалось к земле, посверкивая стеклами окон.

Каменный остров на р. Катунь у Чемала.

ЧЕМАЛ

— НЕБОЛЬШОЕ село-то?—удивился Алексей.

— Да,—согласился Александр Иванович,—109 хозяйств и 756 жителей, а дачников с'езжается сюда до 300 и более за раз. Да еще вот сюда по хребту есть дом отдыха, куда приезжают рабочие и служащие из разных городов Сибири. Дом приспособлен на 100 коек.

— Что же здесь—лечебный пункт, санаторий?—спросил Виктор.

— Нет,—мотнул головой Александр Иванович, — у нас здесь свой лекарь—воздушный,—и засмеялся.—Вам это странно?

— Не понимаю,—сознался Виктор, догоняя Александра Ивановича.

— Никакого санатория, лечебного пункта у нас нет. Всех и от всего лечит наш воздух. Это единственный врач, дающий жизнь и здоровье. Приезжают сюда слабогрудые, легочные, даже в зачатке туберкулезные, гуляют на воздухе, лезут по горам, пьют кумыс и возвращаются с восстановленными силами. Вот и все лечение.

В лесу тишина. Птиц мало, почти нет, а деревья застыли над обрывом, нервно вцепившись своими тонкими корнями, которые напряженными жилами лезли из сухой земли в каменные зубы.

Не даром в сильные ветра многие великаны, изрезав эти жилы о камни, с ревом рушатся вниз, и бешеная Катунь бьет и ломает их о свои каменные стены, пока с изувеченными ветвями, корнями и вершиной не выбросит где-нибудь на песчаную отмель.

Чемал бежал по наклонной плоскости и его зеленовато-изумрудная вода летела бешено через камни, срывалась на небольших водопадах и снова взлетала вверх через встречные камни. Кое-где она разбивалась в белую пену и широким руслом бежала, шевелясь всей поверхностью, как будто шкурка серебряного зверька.

— Идемте,—поднялся Александр Иванович,—покажу еще. Вот, видите,—говорил Александр Иванович,—у нас 109 дворов и около 70 из них—алтайцев. А разве заметно? Дома, как у русских и тип почти русский. Они значатся, как черневые татары-алтайцы, но давно уже обрусели, слились с русскими и их не отличишь от русских. Все живут по русским обычаям. Занимаются земледелием, скотоводством, пчеловодством. Обработка земли примитивная, но урожай довольно приличные, хотя хлеба нехватает, так как удобных земель мало. Плохо и с покосами. Лугов мало, да и косить они не охотники. Сено только для подкормки, а так скот всю зиму ходит по долине, отыскивая старую траву. Снега у нас почти

не бывает, его сдувает ветром, лежит только в лесах и низинах. Чем охотно занимаются, так пасекой. В горных долинах везде заимочки и пасеки. Один Чемал собирает до 5 тонн меда ежегодно. Ну, промыслы есть. В августе орехи кедровые бьют, охота хорошая. Есть медведи... Вот за той горой часто дачники встречаются с таким гостем. В одиночку и ходить бояться... Горный козел, даже марал встречается... Вообще край богатый... Ну, конечно, значительный доход дают дачники. Их здесь и завут-то по-своему—воздушники. Воздухом лечиться приезжают.

КАРАКОЛ— ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

ЦАСОВ В 10 УТРА, у дверей школы стояли лошади в седлах. Еще вечером решили совершить легкую экскурсию на Каракольское озеро. Кроме улалинских ребят, ехал Александр Иванович, лишний проводник и четыре чемальца. Александр Иванович набивал сумки сухарями, колбасой, продуктами, чашками и другими необходимыми в дороге вещами. Проводники осматривали подпруги, поправляли седла, лениво переходя от лошади к лошади.

Понемногу собирались от'езжающие. Пальто, шубы свертывались трубкой и на особые ремешки привязывались сзади к седлам.

Путники спустились в село.

Каменная гряда гор постепенно приближалась к Катуню, и долина вдруг сузилась в небольшую щелку между грядой камней и бурлящей Катунью так, что по крутому спуску могла проехать только одна подвода. Раз'ехаться здесь уже не представлялось возможным.

Густой лес побежал по хребту, неохотно отходя от Катуню. Лошади вбежали в узкое, но длинное, вытянувшееся в одну улицу—село Эликманар. Дома по левую сторону улицы спускались к Катуню, с правой—упирались в крутизну зеленой гряды и только посредине деревни дома поворачивали в расщелину горы по бурному Эликманару.

Проводники повернули из села по р. Эликманару.

Вдали, за деревней, по сбегающему лесному склону, показался высокий жердяной забор, вышиной до 4 метров. Жерди складывались особо углами, ложась одним концом на другой. Вся изгородь казалась четырехугольником, что позволяло строителям обходиться без столбов и связей.

МАРАЛЬНИК

В ОДНОЙ из впадин стояли высокие ворота, наглухо забитые досками, увязанные проволокой.

— Это маральник, — сказал Александр Иванович и махнул проводникам рукой. — Под'езжай!

Лошади свернули с тележной дороги и начали подниматься в гору.

На большой площадке, среди деревьев, стоял марал.

Он весь насторожился, и чувствовалась упругость во всем его теле. Большие ветвистые рога, раскрытые широко, казались каким-то живым кустом, нервно двигающимся с головой животного.

Кто-то крикнул, и животное, как на пружинке, все вздрогнуло и легко прыгнуло в сторону. Еще несколько прыжков громкий крик, и марал скрылся в чаще. Из разных сторон выпрыгнули такие же легкие, пружинистые звери с рогами и без рог и, легко отделяясь от земли, понеслись в горы, в лес, подальше от людей.

Изгородь уходила в горы и скрывалась за увалом.

Площадь маральника занимала несколько квадратных километров.

Виктор успел, однако, щелкнуть фотографическим аппаратом, пряпывая пластинку в черную бумагу.

— Богатое дело, — сказал Александр Иванович, показывая рукой на маральник. — Молодые рога животных снимают и продают их в Монголию и Китай. Там из них приготавливают особое лекарство. Килограмм рога доходит до 22-23 руб.

— А как же их срезают? — заинтересовался Алексей.

Станок для спливания рогов у марала^в

Марал

— О, это сложное дело... Вот поедем дальше я вам покажу.

Александр Иванович крикнул проводникам, и они тронули лошадей, продолжая путь к Эликману. В одном из углов стояли высокие жердяные клетушки, суживающиеся к концу.

— Вот,—остановил Александр Иванович,—когда приходит пора резки рогов, в маральник врывается несколько человек верхами на лошадях, и начинается погоня за маралами. Их гонят в один конец, пока они сразмаху не заскакивают в эти клетки, думая через них пройти и скрыться от преследователей. Но клетки не пускают. Тут животное связывают веревками и пилят ему рога. Кровь, которая бежит из пеньков рога, пьют прямо ртом. Кровь очень здоровая, и охотни-

ки любят ее. Но это ослабляет животное. В государственных маральниках сейчас после снимки рогов сразу же пеньки замазываются особым составом, недающим маралу терять кровь.

Спиленные рога подвергаются особой варке, сушке, обработке и затем уже идут в продажу.

— А как же маралы?

— У них отрастают снова рога. Мараловодство достаточно развито на Алтае. За гражданскую войну много погибло маральников, но сейчас дело снова начинает развиваться. В настоящее время на Алтае развивается кооперирование маральников, а государство организовало несколько крупных хозяйств. Мараловодческое хозяйство ставится по-новому.

— А где же их ловят?—под'ехал к Александру Ивановичу Виктор.

— В горах. Маралы очень любят солончаки. На них они выходят целыми партиями. Тут и начинается охота. Часть убивают, часть ловят, а больше всего попадается молодняк, который остается возле убитых взрослых. Но зверь напуган и с каждым годом уходит все дальше и дальше в горы. Остается только искусственно разводить его в маральниках.

Маральники давно остались позади. Проехали поселок, где кончилась тележная дорога.

Б О М

ЧЕРЕЗ километр тропа ткнулась в каменную стену.

Ребята недоуменно поглядели на спутников.

Александр Иванович улыбнулся.

— Вы поезжайте за проводником, а я уже за вами. Только не давайте коню останавливаться и пить.

Проводники спускались в речку.

Вода была настолько чиста и прозрачна, что видно было каждый камень, каждую гальку на дне. Лошади ступали осторожно, медленно, нагибаясь к воде, стараясь схватить ее губами.

Стеклянный звон воды весело отдавался в ушах.

Лошади шли по середине ручья по каменному коридору скал, где вверху зеленой шапкой в расщелинах камней торчали сосны и ели.

Метров через двести коридор разбежался широким берегом, заросшим высокой зеленой травой.

Целые поля цветов пестрели на зеленом бархате. Тут были баранчики, мучнистые примулы, роскошные водосборы с вывернутыми сине-голубыми лепестками, кое-где огоньки и длинные нитки анютиных глазок.

— Как в саду,—сказал Виктор и в ребячем восторге закричал в горы:

—Э-х...

Долина сомкнулась, и Виктор видел, как лошадь проводника узенькой тропой полезла в гору.

— Бом, бом,—закричал Александр Иванович, — осторожнее! Только не смотрите вниз и не трогайте лошадь. Лошадь сама повезет вас, а если будете дергать, она может сорваться.

Лошади поднимались по извилистой узкой тропе. На полугоре тропка вытянулась ниткой вдоль склона среди деревьев.

Ребята старались не смотреть вниз, но какая-то сила тянула туда.

Внизу, на глубине 100, а может быть и более метров, прямо под обрывом буквально кричала речка. Уклон был велик. Вода в безумной стремительности налетала на огромные камни, пере-

Водосбор

прыгивала их, скатываясь то белой пеной, то каскадами изумруда в глубокую черную яму и неслась дальше. Весь откос оцетинился зубьями камней, а сбоку висели громады скал и в одном месте с высоты падали капли воды. Это там, вверху, из расщелины скалы выбивался родник, и вода падала на десяток сажен вниз, собираясь в ручеек, который можно было запрудить спичечной коробкой.

Лошадь, прежде чем ступить, пробовала твердость почвы ногой и только тогда шагала дальше. Лошадь сама знает, как идти, и нужно только спокойно довериться ей. Бывают случаи, однако, когда лошадь все же срывается, и смерть тогда уже неизбежна.

Бом кончился без спуска. Речка текла по ровной долине. За полкилометра она спустилась не менее, как на 40 метров.

В Т А Й Г Е

НАЧИНАЛАСЬ таежная полоса. Огромные стволы кедров и лиственниц смешались с мелкой лесной порослью, а трава запутала все. Трава казалась лесом. Пучечники вытянулись в целые деревья со стволом в четверть и более. Под одним листом можно было спрятаться от дождя.

Под такой „пальмой“ Виктор встал ногами на седло, и зонтик пучки был ему по плечо.

— Вот так травка,—крикнул он. Лошадь дернулась, и Виктор свернулся с нее на землю, запутавшись ногами в цепких лапах хмеля. Сконфуженно, под дружный хохот, он вылез из травы.

После маленького приключения двинулись дальше.

К вечеру лес начал редеть и мельчать. На площадке у большого кедра остановились.

Ночевка.

Весело горели костры. В котелках булькал чай, закипал обед. И хотя за дорогу это третья остановка, третья закуска, но воздух и дорога действовали так, что хотелось есть без конца.

— Видали такой воздух?—крикнул Александр Иванович. Разве где-нибудь еще найдешь? Ни сырости, ни пыли, ничего. Чистота, свежесть и запах леса. Вот он настоящий лекарь где.

Солнце забегало за вершину горы и как только оно опустилось за камень, сразу наступила темнота, словно потушили электрический фонарь.

Проводники возились еще у костра, наваливая кучи дров, и было странно, что их заготавливали такую уйму.

— Хватит,—кричал Алексей, но проводник спокойно ответил:— жечь костры станем. Волк, медведь ходит, лошадей попортить может... Огня боится.

Становилось холодно.

Ребята поняли теперь, зачем брали с собой шубы. В ямке между корней огромного кедра на мягкой сочной траве они спали, закрывшись шубами, брезентами и охапкой свежей травы, накинутой на них проводниками.

И было только тепло.

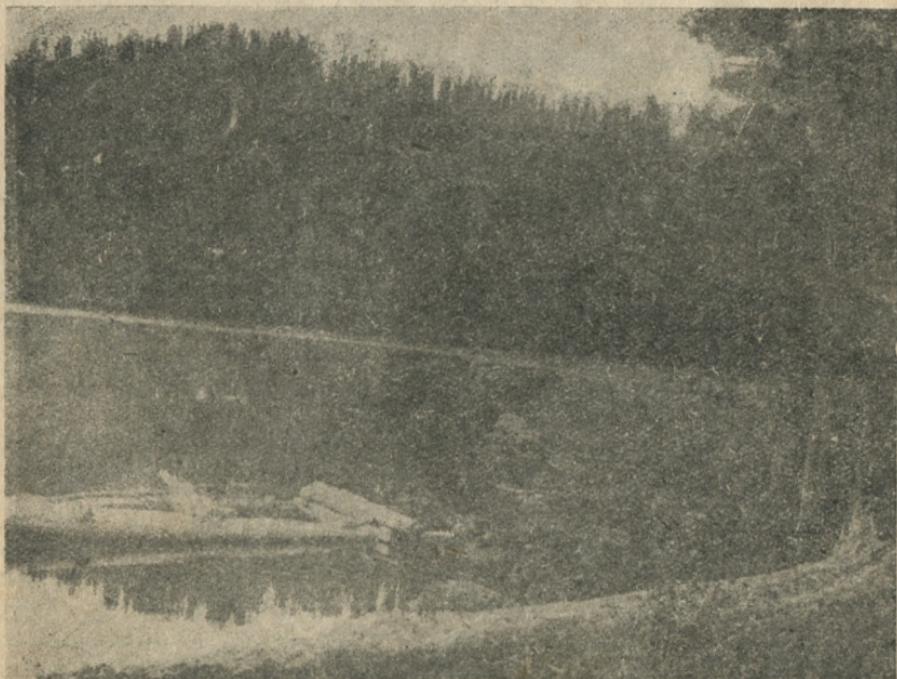
ПРОИСШЕСТВИЕ НА КАРАКОЛЕ

СНОВА тайга, бомы, быстрая речушка, кедры.

В полдень поднялись на последний перевал и под ним, в большой круглой чаше зачернело озеро, отороченное зеленью небольшого кедровника, ковром трав и больше половины белой катушкой снегов.

Черная водяная гладь казалась трауром на этой белизне.

Ребята остановились.

Озеро Каракол

— Черная вода! Не может быть... — удивились ребята, глядя на диковинное озеро.

Проводники спускались через чашу к озеру.

Растительность сразу изменилась. Высокая трава исчезла, и только низенький зеленый ковер стался под ногами. Небольшие кустарники кучками сбились здесь и там, а у самого озера узкой полоской приютились кедры и пихтач.

Пока разводили огонь и готовили пищу, Алексей и Виктор побежали на озеро.

У края, ткнувшись одним бревном в берег, стоял небольшой плот. Ребята забрались на него. Вода была чистой, прозрачной, все дно было видно до последнего камешка... Дно казалось близким, и Алексей с силой ткнул длинный шест в воду, намереваясь дать толчок плоту, но шест внезапно вошел весь в воду, и Алексей, не рассчитав удара свернулся туда, не успев даже крикнуть.

Виктор закричал таким диким воплем, что от костров бросились люди. Алексей вынырнул из-под воды и барахтался, стараясь держаться за шест.

Проводники быстро притащили веревки и бросили Виктору, подталкивая плот к Алексею. Алексей уцепился за бревна, и заполз на плот.

Веревкой быстро подтянули обоих к берегу.

Алексея трясло, как в лихорадке, и он уже не мог снять своей одежды. Быстро сорвали с него все и нагишом, в одних башмаках, заставили пробежать от озера к кострам и бегать вокруг них до тех пор, пока не прошибет пот. Голый Алексей скакал через кустики и камни, делая круги по мягкому полю.

Было смешно и страшно, что такое купанье не кончится добром. Александр Иванович стелил кошмы, готовил сухое белье, наливал в стакан вина.

Вспотевшего, уставшего Алексея напоили вином и уложили спать.

ОСОБЕННОСТИ КАРАКОЛА

КОГДА все успокоилось, Виктор пошел осматривать местность. Черное озеро образовалось из бесчисленного числа подземных ключиков, которые видно было под водой. Как большие пузыри, выбивали они из-под камней и растекались там же внизу. С противоположного конца стекали потоки тающих ледников. Новым притокам воды нужен был выход, и Виктор нашел небольшую каменную трубу метра полтора

шириной и метров 100 длиной, по которой вода выходила из озера и вливалась в новое, но уже меньшее по размеру и глубине. Вода здесь не казалась такой черной. С противоположного конца из озера выходило несколько каменных труб, несших по крутому наклону новые речки, бурно мчащиеся к глубокому ущелью.

Карликовая береза

Виктор только теперь заметил, что кустики травы, через которые он легко перешагивал, совсем не походят на траву. Он нагнулся над одним из них и замер от изумления. Кустик в четверть метра был взрослой березой, на которой висели сережки.

— Карликовая береза, — заорал Виктор и выдернул ее с корнем.

Действительно, это была настоящая береза, ростом в полметра, с сережками.

На линии ледников, где почва оттаивает летом очень немного, береза могла быть только карликовой.

Он вырвал несколько берез с корнями и торжествующе принес их кострам.

Горечавка

Теперь он внимательно вглядывался в каждый кустик, каждую травку.

Нашел такой же куст ивы, а синие горечавки своими огромными колокольцами лезли прямо из земли со стеблями в 4-5 сантиметров, и сверху казалось, что в землю воткнуты колпачки.

— Уроды, — подумал Виктор и ножом выковырнул растение из земли. Оно было построено так, как все представители этого рода.

Все нормально, но карликово, стебель 4-5 сантиметров, а цветков немного больше.

У костра Александр Иванович сказал:

— Мы на значительной высоте. Земля промерзает, и редкие растения могут развиваться нормально. Вот кедр растет, а какие они жалкие. Разве можно их сравнить с теми, по которым мы ехали... Да никогда.

НА ЗАЙМКЕ

НА УТРО решили продолжать путь. Алексей отоспался, прогrelся и чувствовал себя прекрасно.

— Да,— сказал Александр Иванович,— ты испытал большое удовольствие. — Вода в Караколе настолько холодна, что в ней не живет даже рыба. Ты можешь гордиться своим купанием.

Домой ехали другим путем.

Сначала свернули к подножью ледников. Смерзшийся в голубовато-зеленые льдины, снег, растаяв журчащими ручьями, сбегал по трещинам к озеру. Весь склон и дно были завалены сплошь массой разноцветного камня—яшма, кварц, песчаник, грубый гранит.

Местами лежали целые друзы кристаллов горного хрусталя, играя радугой на солнце, поражая правильностью, полированностью своих граней.

Так бы увез все, но друзы представляли собою большую тяжесть.

Узенькой тропкой вправо от ледника поднимались по насту снега. Слышно, как журчали ручейки, выбегая из-под снежных наносов.

Начиналась тундра, сплошь заросшая карликовой березой, ивой и такой же вышины желто-красными огоньками и пышными водосборами. Их было так много, что красные головки огоньков рядом с синими солонками водосборов неприятно резали глаза.

Вдали, внизу, начиналась тайга и непроходимые заросли трав.

К вечеру прибыли на заимку.

Маленький домик приютился под огромными кедрами. Ни ограды, ни двора, ничего нет, и только крепкие постройки для лошадей и коров. Оставлять их открытыми нельзя, задерут волки или медведи, которые запросто, как к близким знакомым, заходят сюда.

Хозяин—крепкий старик с большой бородой, спокойными глазами, в домотканной рубахе и таких же штанах, заправ-

ленных в большие сапоги, степенно вышел навстречу и, улыбаясь одними губами, приветствовал гостей.

— Милости просим, милости просим.

Тут же распорядился проводникам расседлывать коней, а гостей повел в избу.

Входя на крыльцо, он спокойно повернулся к гостям и сказал:

— Не обессудьте, табашников не пушу. На улке грешите, а с поганым зельем не ходите в избу.

И, открыв дверь, вошел первым.

— Примай баба!

Изба небольшая, но крепкая, чистая. Некрашенные полы застланы половиками.

У стен лавки и в переднем углу под старинными медными иконами простой деревянный стол.

Изба пропахла чесноком, от которого тошнило и захватывало дыхание. Но хозяева спокойно сидели, не замечая ничего.

— Однако,—заметил Александр Иванович, — дух у вас крепкий.

Хозяин улыбнулся, а хозяйка молодым крепким голосом запела:

— Колба, она и есть колба. Сладка, а душиста. Ничо, поешьте, так незнатко будет.

И, подоткнув подол, вытащила с полки большую глиняную чашку с ложками и ведерко с соленой колбой.

Насыпав колбы и залив ее квасом, она также певуче пригласила всех.

— Пожалуйста... откушайте.

Ребят тошнило, но Александр Иванович кивнул головой.

— Надо самим поест, тогда и запаха не будет чувствоваться.

И сам первым принялся за колбу. Он ел медленно, засывая квасом и заеда толстыми ломтыми маслянистой шаньги.

Колба внешне почти не отличалась от перистого лука, такие же кусочки трубочек, вложенные одна в другую, небольшие луковицы и вместо перьев узкий листик вверху, но цвет отливал сизой синевой, и на вкус чувствовалась сладость и острый запах мышьяка.

— Пользительная вещь—сказал хозяин и погладил бороду.

— Кушайте, кушайте.

— Да,—ответил Александр Иванович, больше обращаясь к ребятам. — Колба весьма полезное растение. В ней много железа и, очевидно, мышьяка. Она является лучшим средством

против цынги и многих других заболеваний. Она страшно неприятно пахнет, но для человеческого организма это прекрасное предохранительное средство. Кроме того, она питательна, и алтайское крестьянство питается ею и хлебом.

— А то как,—отозвался хозяин.—Когда пост, так ее одну и едим.—Тут под горой на болоте ее хошь коси: на всю зиму насбিরываем, до нового года хватает.

Ребята ели с Александром Ивановичем и чувствовали, что тошнотворный запах исчезает и они перестают его чувствовать.

Закусив, решили осмотреть заимку.

НА ПЧЕЛЬНИКЕ

УЗЕНЬКОЙ дорожкой шли по таежному хребту. Впереди спокойно вышагивал хозяин с ружьем за плечами.

— Всегда с ружьем ходишь?—спросил Александр Иванович.

— А то как? Разве у нас иначе можно: зверь—он к избе самой подходит, не то што в лесу. Мед любит, слышит далеко.

Тропинка извивалась на каждом шагу, обходя деревья, камни, ямы, и постепенно спускалась вниз.

В небольшой равнинке, закрытой от холодных ветров высокой каменистой грядой, притаилась пасека. Тут же стоял омшаник*) и совсем маленькая избушка из крепких бревен, сторожка.

Хозяин открыл дверь и вошел в избушку.

Равнинка обросла каймой кустарников, пихтачом, кедром, а трава пестрела ярким ковром цветов. Пчелы пульками пролетали мимо, издавая легкий поющий звук...

На солнцепеке рядами стояли грубые самодельные колоды, убегая во все стороны.

— Много колодок-то?—спросил Александр Иванович.

— Пустяки... сотни полторы, не боле...

— Ого!—вскрикнул Андрей.

— А ты не кричи,—забеспокоился хозяин.—Порчу эк наведешь.—Пчелы не поведутся.

Хозяин с сеткой пошел вдоль ульев. Ребята разлеглись на мягкой траве.

— Вот так и живут,—заметил Александр Иванович.—Такое богатство, а ведут его кое-как, собирая крохи меда. При таком количестве пчел—да хороших ульев—ведь золото это... а тут...

И растянувшись на траве, добавил:

*) Омшаник—теплая постройка, куда на зиму ставят ульи.

— Вообще же пчеловодство на Алтае развито очень сильно, и за последнее время пчеловоды стали переходить от дуплянок к рамочным ульям. Это даст возможность вдвое увеличить сбор меда. В настоящее время по нашей статистике в Ойротии имеется 38.700 ульев. Если население Ойротии равно 87.000, то выходит, что один улей приходится на $2\frac{1}{4}$ человека. Где вы еще найдете такое количество ульев? Нигде... А между тем меду Алтай дает мало и только потому, что нет правильно поставленного хозяйства.

ОРЕХОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ

— А ЭТО что такое?—вскочил с места Виктор, указывая на длинные шести с чурками в виде молотка.

— Это?—переспросил Александр Иванович, и встал на ноги.—Это молотки для шишкования. Идемте, посмотрим ближе.

Они подошли к омшаннику, возле которого под навесом стояли длинные шести с молотками и внизу лежали большие сита.

— В августе, когда поспеют кедровые шишки, вот этими молотками бьют по веткам кедра, и поспевшие шишки падают на разостланные полотнища. Их собирают, растирают, разбивают молотками, а затем просеивают через сита, и готовый орех почти тут же на месте продается заготовщикам ореха.

— Это трудная работа?—спросил Виктор, поднимая молоток. Молоток вывертывался из его рук и не хотел держаться так, как нужно это было Виктору.

— Да с непривычки трудновато,—ответил Александр Иванович,—но дело в том, что от такого способа шишкования очень портится дерево. Когда его бьют молотком, то невольно сбивают кору с ветвей, они начинают сохнуть и перестают плодоносить. Но есть еще более варварский способ добывания ореха—это обрубка ветвей совсем, а то и спилка деревьев. Чтобы не лазить на дерево, они спиливают его и собирают шишки. Дерево гибнет, а сборщик полагает, что на его век хватит деревьев, и рубит лес.

В это время раздался выстрел. Ребята вскочили на ноги. Из леса шел хозяин.

— Что случилось?—наперебой бросились к нему.

— Где-то медведь ходит,—спокойно ответил он,—так я сказал ему, чтоб дальше уходил.

— Ну, а как нынче охота?—спросил Александр Иванович.

— Чево там,—махнул хозяин,—разве сравнишь, как раньше было. Зверь в руки лез. Белки этой глядеть надоедало, а

нынче ничего нет. Как эта самая война прошла, весь зверь ушел в Монголию. Туда и белка и марал ушли.

Наш-то козел и тот ушел. Так, рази, какой заблудший еще остался. Медведь только и бродит, а боле никого.

— Да, — вздохнул Александр Иванович. — Это верно. В конце девяностых годов собирали по одному этому району свыше 400 тысяч шкурок всякого зверя, а теперь едва 70 тысяч заготовлено. Это выходит только 18 процентов прежних заготовок. Еще за последнее время дело начинает поправляться. А года два тому назад ничего не было.

— Ладно, — сказал хозяин. — Меду насбирал. Надо вернуться до дому, а то скоро ночь.

Все зашагали обратно к заимке.

Утром, чуть свет, надо было трогаться дальше.

ДОМИК ПОД УТЕСОМ

ПОСЛЕ осмотра Чемала и поездки на Каракол у Виктора и Григория накопились целые вороха материалов. Виктор засушил растений и особенно его волновали карлики с Каракола; большое количество угловичков с бабочками лежали в коробке из-под папирос. Тут были и белые великаны с красными горошинами — аполлоны, черные с белыми вышивками — махаоны, огромные шелкопряды, ночницы и многие другие, и пласты ваты с насекомыми переливали всеми цветами радуги.

У Григория блок-нот распух от записей примитивного хозяйства и промыслов алтайского крестьянина. Только Алексей оставался без пищи. Он взял на себя записи быта и общестственности. Они рисовались ему далекой картиной где-то в горах, в затерявшихся аулах туземцев, в горных массивах абайца и казака за Белухой. Но все же и он успел набросать несколько характерных черт из жизни кержака заимочника, ушедшего в тайгу, живущего не с человеком, а с медведем.

Закончив все записи, подобрав коллекции и ознакомившись с Чемалом, нужно было двигаться дальше.

Александр Иванович вдруг вспомнил, что у него есть дело в Аносе, через который ребятам все равно придется ехать, и предложил свои услуги по осмотру Аноса.

— Я вам покажу там нечто совершенно неожиданное на Алтае. Да... — и он с хитрой улыбкой вышел из комнаты.

Ребята собирали последние вещи. Лошади в седлах уже стояли у крыльца.

Знакомой дорожкой к Эликманару дружно бежали кони. По каменному мосту завернули в вылезшую долинку и оста

новились у парома через Катунь. Посредине реки был спущен якорь и на канатах, поддерживаемых маленькими лодочками, держался паром. Быстрота реки грозила оборвать его и разбить вдребезги о каменные стены берега. Вода бурлила, рвала. Паром весь дергался, скрипел, но быстро шел на другую сторону, где метрах в четырехстах, в зелени спрятался Анос, почти под самой каменной скалой, оборвавшейся совершенно прямой стеной. Скала закрывала деревушку от вечернего солнца, и когда все горы еще горели золотом, деревушка уже погружалась во мрак.

Лошади дружно пошли по каменистой дорожке к Аносу. Через деревню бежала шумная речка, утыканная кое-где столбиками с крючьями. В 2-3 местах на столбиках были переброшены шесты с колесами—лопастями и деревянными бочками. Вода вертела колеса, и бочка совершала быстрое вращенье.

Ребята рассмеялись.

— Ведь это молоканка самодельная. Масло сбивают из молока. Ну, ловкачи!

Григорий вытащил блок-нот, а Виктор щелкнул аппаратом.

— Электрифицированный завод,—крикнул Алексей и захохотал во все горло.

— Да,—заметил Александр Иванович,—таких заводов здесь много. Ими и масло бьют, и лен треплют, и хлеб мелют. Это наш белый уголь...

Он повернул лошадь в улицу, где у скалы вылазили из-за маленьких избушек два больших дома.

— Ну, ребятки, сейчас я покажу вам то, что обещал. Едемте.

У ХУДОЖНИКА ГУРКИНА

ИЗ ДОМА вышел высокий бритый старик-алтаец. Он приложил руку козырьком и долго смотрел навстречу едущим. Увидав Александра Ивановича, он замахал рукой и весело крикнул:

— Ждем, ждем—и слез с крыльца.

Приехавшие спешились.

Александр Иванович подошел к хозяину и дружески пожал ему руку.

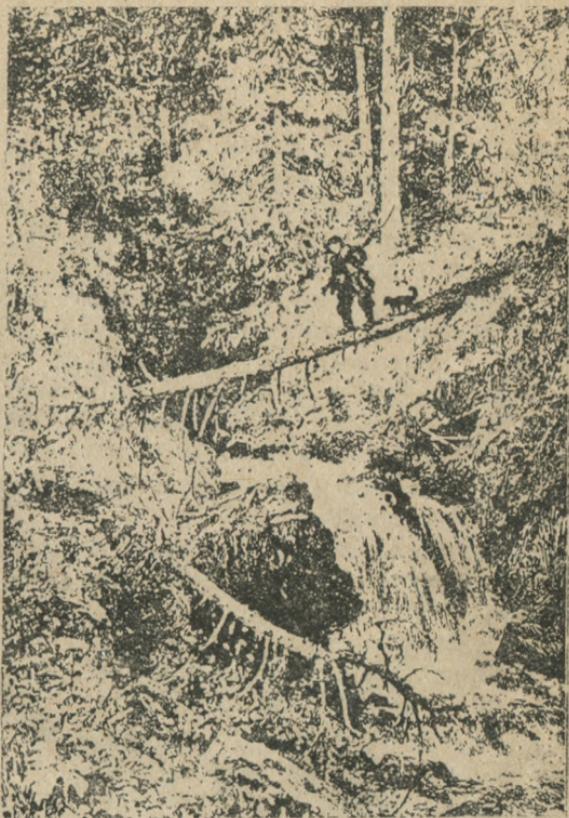
— Вот, Григорий Иванович, привез вам гостей посмотреть вашу галерею. Они и не знают, что творится в Горном Алтае.

— Ну, ну,—улыбнулся Григорий Иванович,— пусть посмотрят.—И добродушно протянул руку гостям.— Заходите.

Это был известный в России и за границей художник Григорий Иванович Чорос-Гуркин, выставки которого устраивались в

Москве, Петербурге и за границей. Он был учеником мирового известного художника-пейзажиста И. И. Шишкина.

Григорий Иванович ввел гостей в дом, где все стены были завешаны картинами. Художник реалист Гуркин запечатлел на полотне Алтай. Вот огромное полотно „Хан-Алтай“, дальше пороги на Катунь, вот камлание, „Корона Катунь“, вот ряд бытовых картин алтайцев, реки, горы, озера, целый каскад красок, солнечных пятен, ярких мазков. Вот лоскутки бумаги, и на них уголь, карандаш, перо оживляют природу Алтая. Вот целая заросль папоротников. Вот алтайцы сидят за котлом, и так без конца. Картины, рисунки, зарисовки. Тут же

В тайге. Картина худ. Г. Гуркина

целая коллекция зарисовок Монголии.

Ребята были ошеломлены.

Григорий пришел в восторг.

— Ведь это рисовал наш алтаец—Алтай-кижи.

Спать путешественники расположились в садике возле дома Гуркина. Им дали свежей травы, и они, разложив ее пластом, четверо растянулись под теплыми одеялами.

Но спать не хотелось, в голове было много дум от всего виденного и слышанного.

— Да,—сказал Александр Иванович, потягиваясь на траве,—в совершенно еще дикой некультурной стране мы видим такие таланты. Ведь Гуркин—алтаец, калмык. Он и родился в алтайских горах*).

*) В 1869 году.

В семье была бедность, но все же мальчику удалось попасть в миссионерскую школу, которую он кончил, а затем сделался учителем. Однако, эта работа его не удовлетворяла. Его тянуло к кисти, к краске. Друзья, видевшие в Гуркине талантливого художника, помогли ему уехать в Петербург, где он и окончил Академию художеств.

— А что вы скажете о художнике Чевалкове, — Александр Иванович?

ХУДОЖНИК ЧЕВАЛКОВ

Александр Иванович повернулся к ребятам:

— Чевалков — художник другого уклона. В его творчестве слышатся новые песни, новые нотки. Чевалкова не интересуют детали, копияность рисунка, ему важно передать настроение, которое охватывает его, и он передает это настроение гаммой красок, игрой, не гоняясь за сюжетом рисунка. Поэтому у него целый ряд картин беспредметен — там игра красок, сочетаний их. И этим сочетанием Чевалков дает то же, что и Гуркин для переживания зрителя, но разными способами.

Судьба его немнее интересна. Он крестьянин из телеутов*). Учился в кахитезаторском (духовном) училище, где и проявил свои способности художника. Его знакомые хлопотали перед митрополитом (высший духовный чин) Макарием о том, чтобы устроить Чевалкова в художественную школу, но митрополит отказался.

— Пусть лучше в иконописцы идет, а то бога забудет.

Так и остался Чевалков без школы, но желание и талант вывели его на дорогу.

Картина художника Чевалкова

*) Телеуты — народность на Алтае.

Александр Иванович замолчал, но спать не хотелось, Голова была забита мыслью об Алтае, его людях и талантах.

— Да, революция должна выдвинуть многих алтайцев,— заговорил со своего места Григорий. — Разве у нас уже нет своих людей, своих выдвиненцев? Председатель облисполкома кто?—Алтаец Алагызов. Кто написал книгу об Алтае?—Сарысэп Казанчаков. Кто переводит книги на алтайский язык?—Токмашев. Кто боролся за право на существование алтайца?—доктор Тибер-Петров*).—Все наши, алтайцы-калмыки. Школы у нас свои есть? — Есть. Кто в них учится?—Алтаец. Кто правит страной?—Алтаец. Кто сидит в аймаках — Алтаец. А разве десять лет тому назад что-нибудь алтаец понимал? Разве был алтаец у власти. Разве мог алтаец разбираться в государственных или хозяйственных вопросах своего края?—Нет. Алтайца обирали, как липку, угнетали, сгоняли с лучших мест, гнали в горы. Русский сплавал алтайца, увозил у него сено, пушнину, скот, а за что? За безделушки, побрякушки, за водку. Разве теперь это может быть? — Нет, алтаец проснулся, алтаец начал жить новой жизнью. Советская власть оживила Алтай, и он будет еще большей страной, богатой страной. Где найти такие богатства, как на Алтае: золото, платина, медь, серебро, камни драгоценные, строительный лес, пушнина, скот, масло, шерсть, пчеловодство, маралы, ореховый промысел... Да чего-чего тут нет? Хорошая страна!

ШЕРСТЯНОЙ ПУТЬ

ДАЛЬШЕ ехали одни. Александр Иванович повернул обратно к парому, а путешественники узкой дорожкой в'ехали в расщелину двух гор по речке Анос, направляясь к Маюте, на Чуйском тракте. Дорожка круто поднималась вверх среди сосново-березового леса, изредка разбегавшегося в небольшие сочные поляны. Дорожка все лезет вверх, открывая широкий горный простор. Вот она нырнула вниз, разрезалась горной речушкой Юмурлю и снова полезла на высокий хребет, выходящий над всеми окрестными горами.

На перевале нашим путешественникам бросилась в глаза странная береза. На целом ряде деревьев ветви росли пучками, букетами и чернели издали, как большие гнезда. Но когда Виктор подтянул к себе такое гнездо и отрубил его ножом, оно оказалось необыкновенно богатым развет-

*) Тибер-Петров В. Т.—доктор. Учился в Германии. Известен, как краевед. Убит сумасшедшим больным в 1927 г. в г. Новосибирске.

влением березовых веток, образовавших густой шар, в котором негде было развиваться листьям.

Подъехал проводник. Он апатично взглянул на диковинную шишку и вяло заметил:

— „Ведьмина метла“, болезнь такая на деревьях. Как заболит дерево, так все и изовьется такими прутьями. Гинет после от этого. Грибок будто какой внутри ее сидит, вот что,—и, подстегнув коня, поехал дальше.

Виктор привязал „метлу“ к седлу, и все двинулись в путь.

Дорога пошла вниз среди огромных лиственниц толщиной в несколько обхватов. Эти великаны с корявыми лапами-ветвями поражали своей нескладностью и в то же время легкостью хвойного убора. Мягкая, как материя, короткая хвоя не прячет корявых лап, и они черными пальцами лезут вверх, обтянутые зелеными перчатками. А кругом лес, травы. В этом травяном лесу можно потеряться, зарыться с головой и сбиться с дороги.

Но проводник зовет дальше. Вдали мелькает проезжая колесная дорога, она скоро выведет на тракт—в Маюту.

— Вот она главная жила,—сказал Григорий, по которой течет шерсть из Монголии в СССР, где идет торговля с Монголией...

Лошади устали, сделав перевал около тридцати километров. Нужно было отдыхать.

Путешественники не захотели останавливаться в деревне и подвернули лошадей к полянке в лиственном лесу, откуда боло видно селение.

Кони бродили по свежей траве. На костре готовилась пища. Утомленные ребята растянулись на потниках, подложив под головы сумы.

Дорога поднималась по реке Семе вверх по зеленой заросли трав. Часа через три после выезда из Маюты показалось большое село Шебалино. Когда-то богатое, торговавшее с Монголией село, служившее перевалом между Монголией и Бийском, поистрепалось, похудало, осунулось и потеряло свое величие. Купец исчез, ему нечего стало делать, вся торговля перешла в руки государства, которому не требовалось перевалочного пункта, и Шебалино свернулось в деревушку, забив лишние дома, избы, сократив богатеев-купцов.

Наши путешественники заметили, проезжая по селу, вывеску аймачного управления, врачебного пункта, почтово-телеграфного отделения, агроучастка.

Останавливаться не было смысла. Село не имело промышленного и торгового значения и походило на те, которые были

так близко знакомы по окрестностям Уалы. Купив свежего хлеба, закусив в одной избе, путешественники двинулись дальше.

Дорога шла по каменистому щебню, который местами вырастал в целые площади гранита. Подковы звонко щелкали по камню, отдаваясь эхом в горах. Каждый звук улетал далеко и отзывался вдали.

Ребят поражала чистота воздуха, четкость звука. Ни одной пылинки нельзя было найти в этом зеленом царстве.

Километров через десять дорога резко изменилась. Почва стала мягкой, сочной, утыканной камнями, с которых скользили подковы, и ноги лошадей глубоко уходили в болотистую мягкость земли.

Дорога все лезет вверх. Здесь в болотистом расширении собирались истоки реки Семы. У Семинского перевала выходит она ручейками, выбирает свои воды из болота, выйдя на каменистую долину, быстро скатывает их к Катуню.

— 1125 метров над уровнем моря находимся мы сейчас, — сказал Виктор, заглянув в справочник. И показал на небольшой кустик березы.

— Видите, береза не растет. Значит, почва промерзает. Поэтому здесь и хлеба не видать. В Маюте мы видели пашни, а здесь нет. Хлеб не должен расти.

— Какой здесь хлеб, — заметил подехавший проводник. — Сено здесь только и косят. Все луга выкашивают. Осенью так тут коней нечем покормить. Все облазят и выгрызут.

— Куда же они с ним, — заинтересовался Григорий. — Разве скота у них уж так много?

— Много не много, а все же есть. А только эстолько травы ихнему скоту и в пять лет не с'есть.

— Так куда же они с сеном?

— А, вишь, ты чо, — набивая трубку табаком, ответил проводник... — Тракт тут, скот из Монголии гонят, шерсть везут. Скотину и лошадей кормить надо. Вот они сено-то и косят, а потом продают. Заготовки-то государственные не везде есть и нехватает, а они тем временем и обхаживают. Сеном и торгуют. Так сколь я их знаю, все так сеном и живут. Хлеба своего нет, а сено — лучше не надо. Сытно живут, опять же ореху тут на перевале много, охота... Ладно живут, болото только одолевает, сырость большая. Болеют которые от ее.

С этими словами они в'ехали в деревню Топучую. Туманом несло от болот и синей дымкой стояла стена Семинского перевала.

ЛЕСА

ЛОШАДИ поднимались в гору. Подъем шел пока поло-го среди лиственниц. Вот замелькали кедры с зеленой колючей шерстью, и кудлатые великаны своими лапами в собачьих рукавицах, казалось, хотели схватить, поднять и укутать зеленой шерстью где-то далеко внутри себя. Ветви качались и чуть шумели хвоей. Кое-где лежали брошенные стволы лиственниц.

— Ишь, негодяи, чего делают,—обругался проводник и кнутом ударил по стволу,—пилят и бросают. Это им мало серы собирать из прорех, так рубят и серу добывают из ствола.

Видно было, как ковыряли серу, куски ее остались на коре, а из срубленного ствола текли струйки смолы.

— Продают они ее, жуют, так вишь, ради серы дерево сгубили, а дерево-то какое. Ядреное.

— Крепкое?—спросил Виктор.

— Лиственница-то?...О!..Износу не знает. Дома из ее по 300 лет живут и ничего им не делается. А спусти ее в воду на год да вытащи, так топором не возьмешь. Как сталь, звенит даже.

— Да,—вспомнил Алексей.—Я читал где-то, что, кажется, на Дунае, открыли под водою мост, который тысячу лет лежал там, и когда вытащили лес, так он был, как бы железным. Топор отказывался брать. И был он построен из лиственницы.

— Ладное дерево,—добавил переводчик.—Поделки из него всякие хорошо делать, дома строить. Тяжелое только.

— Ох, и леса здесь хороши. Сколько этих самых лесов спускают по Бии, по Лебеди, Убе... и... не перескажешь. Прорубят просечку прямою с горы, и пускают по ней лес. И веток не рубят. Как упадет вниз, так и попрет без задержки. Так, скажи, пожалуйста, от веток и следов нет, словно их и не было. Сорвет все, счистит, и лесинка, как именинница, внизу ляжет. А там ловят да на лошадях к реке. Плоты ладят и—пошло... Эх, други, приятно вспомнить. Ну, да на Бухтарму выедем—увидим.

— А какой лес сплавляют?—спросил Виктор.

— Какой доведется. А больше сосну, лиственницу, опять же кедрач, когда ель на дрова... Ну, а низом рубят черемуху, березу, когда рябину. Это больше на поделку. Черемуха на дуги, березу на полозья, на телеги, всякую хозяйственность—дерево первеющее. А рябину на точку. Для точки—камень Страсть крепкое дерево. Кедрач на плахи, в городах его любят. Шкафы там, столы, буфеты, все из кедрача. Легкий и крепкий, опять же дерево красивое.

Много лесу готовят. Только и гудит лес в тех местах. Рубят, рубят, а разве его изведешь. Век прожить не изведешь, страсть его сколь, а только зверь убывает, с лесом уходит дальше. Вот что.

На кедре застучала носом серенькая птичка.

— Рано стучашь,—крикнул проводник и щелкнул бичом. Птичка вспорхнула и улетела.—Ишь, по орехам затосковала. Ореховкой и прозывают ее.

— Ест их?—спросил Виктор.

— А то как. Еще какая охотница на них и ловкая же. Это как поспеет орех, она и начнет его долбить носом, орешки из шишки вынимать. Вынет и за щеку, вынет и за щеку, а там зоб у ней есть такой, так, скажи, пожалуйста, столь наберет их, что самое книзу клонить станет. Тут слетит и зачнет орешки в ямку выбрасывать. Набросает, закроет и опять. Так запасы и собирает на зиму. Хозяйка дельная, заботливая.

ВОДОРАЗДЕЛ

С КАЖДОЙ минутой через лес открывались новые виды, новые горы. Деревня Топучая виднелась вся и казалась игрушечной. Скот, бродивший по лугам, походил на муравьев, ползающих по зеленому полотну.

Отсюда ясно были видны истоки реки Семы.

Все остановились и с большим любопытством наблюдали начало большого притока Катуня.

Виктор щелкал аппаратом.

Еще два часа, и путешественники забрались на пологую вершину перевала.

— 1680 метров над уровнем моря,—объявил Виктор и соскочил с коня.—Слезай. Тут обед и отдых.

Пока готовилась пища, ребята осматривали гору.

С одной стороны виднелись истоки р. Семы, с другой р. Песчаная. Семинский перевал являлся водоразделом двух рек.

Вдали синела гряда Теректинских белков, уходящих в туманную даль. С другой стороны в марево скрывалась Теньгинская степь с ленточкой озер.

— Хорошо! запел Григорий и перевернулся через голову.—Давайте здесь ночевать. А завтра дальше... Верно... Переночуем здесь. Это будет наш отдых.

Виктор и Алексей не протестовали. Хотелось побить здесь вечерок, поснимать, собирать кое-каких растений, насекомых, пострелять, если встретится дичь.

Проводник звал обедать.

ПОСЛЕ обеда, взяв винтовку, ребята пошли побродить по хребту.

С шумом вылетали из-под ног птицы и, шарахнувшись в сторону, исчезали в чаще деревьев.

На зеленой лужайке примятая трава показывала, что здесь валялся какой-то зверь, а дорожка указывала, куда он ушел.

Григорий долго всматривался в следы и шопотом сказал:

— Здесь был медведь и совсем недавно. Подождите меня. Бегом он бросился к стану и минут через десять вернулся с винтовкой проводника и большим ножом.

— Идем дальше.

Они шли по следу зверя, чутко вслушиваясь в тишину леса, прерываемую криком птиц и стрекотаньем кузнечиков.

Очевидно, медведь ушел далеко, и дорожка, делая круги, постепенно спускалась книзу.

Дойдя до скалистого обрыва, они увидели, как тропка, обойдя камень, скользнула глубоко вниз и затерялась среди кедрчей.

— Ушел,—сказал Григорий и поднял ружье.

Однако, минут через пять Алексей вскрикнул и бросился к ребятам.

— Медведь, медведь!

Оба подбежали к Алексею.

Глубоко внизу на полянке в траве лежал медведь, словно спал. Крик Алексея поднял его, и он лениво поглядел вверх на ребят.

До него было далеко, но зверь почувствовал опасность и поднялся на ноги.

Григорий схватил винтовку.

— Все равно буду стрелять. Может достану.

Медведь поглядел на ребят, как-то забавно поднял лапу, словно хотел сказать:

Горный козел

— Не стоит, брат, зря патронов тратить,—и исчез за деревьями.

Постояли, пождали, но медведя не было видно. Только слышался стук катящегося камня, который, очевидно, балуясь, спустил медведь в пропасть.

Пошли назад.

Далеко в скалах на тропке Григорий своими сильным глазами увидел горного козла с большими волнистыми рогами. Он красиво стоял на камне, поглядывая вниз, в расщелину гор.

Он не видал охотников.

Пулей достать его было нельзя. И ребята любовались этим горным красавцем в его родной стихии.

Шли к стану.

Где-то заклокотали горные куропатки.

Вылетела одна, другая.

Ребята схватились за винтовки, но птицы уже улетели.

Шли с винтовками наготове.

На большой поляне удалось убить двух горных куропаток и куличка. Несли их к стану шумно, весело.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

ВЕЧЕР тихо застилал гору.

Виктор недоуменно остановился перед большим колокольцом горечавки. Колоколец свернул свои лепестки, сжался и спокойно опустил головку.

— Спит,—шопотом сказал Виктор.

Стали присматриваться к другим цветкам. Многие из них закрылись и склонились, как будто легли на подушку в тихом безмятежном сне.

— Сон растений,—вспомнил Виктор.—Растения спят.

И он, сняв шапку, поклонился пестрому ковру засыпающих цветов. Взглянул на солнце и помахал ему.

— Спи и ты, завтра рано опять на работу.

У костра кипел чайник с водой. На высоте 1600 метров в разных местах журчали ручейки и в воде не было недостатка.

Григорий потрошил птицу. Проводник разрубал ее на части, раскладывая плашмя на сковородки. Решили есть птицу жареной.

ВСТРЕЧА

КОГДА уже ужин был готов, а ночь захватила лес, кусты и поляну своим черным шатром, со стороны Песчаной послышались голоса и стук колес.

Еще минут через десять и на поляну выехала пара лошадей в тележке.

Лошади остановились, и человек из тележки спросил:

— Кто такие?

— Экскурсанты,—крикнул Виктор и поднялся с земли.

Из тележки вылез человек и подошел к костру. Он внимательно осмотрел ребят и, улыбнувшись, сказал:

— Ночуете? Так примите и нас в компанию. Не рассчитали, прошарились, а спускаться в такую темь страшно.

— Пожалуйста,—пригласил Виктор.

Человек пошел к тележке, вытащил свой багаж, ружье, провизию и вернулся к костру.

— Я из Монголии. Ездил на заготовки скота, сейчас возвращаюсь обратно. Выехали мы из Песчаной хорошо, а тут на подеме лошади испугались, шарахнулись и поломали телегу. Вот мы и застряли. Обратно ехать не хотелось и спускаться страшно, разобьешься вдребезги.

Ребята пригласили его к ужину. Человек вытащил двух уток и протянул Виктору.

— Это тоже надо в дело пустить. Я их на Теньгинском озере подстрелил. Поджаренные, только холодные.

Ели с аппетитом все шестеро.

Вдруг лошади забеспокоились и заржали.

— Медведь, должно,—сказал проводник и поднялся. За ним пошел ящик, захватив винтовку.

Темнота скрыла их.

Минут через пять послышался выстрел.

Ребята повскакали с мест.

Человек лежал у костра, спокойно похлебывая чай.

— Садитесь, это так, пугают.

И действительно вскоре проводники вернулись к костру.

— Ходит где-то, а где, разве в темноте найдешь? Ну, стрельнули, чтоб слышал и знал.

На ночь решили разложить костры кольцом вокруг стана и лошадей.— За костры не пойдет,—сказал проводник и взял топор.—Пойду рубить.

Горели большим кругом костры, освещая траву и стан, а сзади стоял черной стеной лес, освещаемый лоскутками света. Лоскутки вспыхивали, гасли и загорались, вновь в другом месте.

А вверху на черном бархате неба серебром смеялись звезды. Было тихо. Откуда-то поднимался волнами холод.

Лежали на траве и слушали, как рассказывал агент по заготовкам скота о Монголии.

В МОНГОЛИИ

ЗА ЧУЙСКОЙ степью, за Кош-Агачем лежит Монгольская республика. Это чрезвычайно своеобразная страна. Все ее хозяйственное благополучие построено на скотоводстве*).

Земледелие в Монголии развито слабо. Сеют мало и сеют самым первобытным способом. Землю взрыхляют допотопной сохой в глубину на 1-2 вершка. Вместо бороны комья земли разбивают лопатой, не применяя в пашне никаких удобрений. Засеянные земли заливают водой, и все же при таком уходе за землей получают урожай до 12 центн. с гектара.

Охотой монголы занимаются мало, главным образом, на сурка, а к рыболовству относятся с презрением. Монголия отличается обилием рыбы, которую монголы не едят.

Промышленность у них только кустарная. Каждая семья вырабатывает то, что может сделать своими силами, фабрично-заводские же продукты привозятся из других стран. Впервые у них открылся кожевенный завод 4-5 лет тому назад.

Есть в Монголии много золота, угля, графита, драгоценных камней и т. д., но все это почти не разрабатывается только потому, что религиозные верования монголов предписывают им пользоваться благами, находящимися на поверхности земли, и не искать чего-либо в недрах.

Поэтому-то скотоводство и является почти единственно развитой отраслью народного хозяйства.

Монголы—непоседливый народ. За год они переменяют 8-10 кочевков, иногда на значительном расстоянии—до 250 километров. За скотом нет достаточного присмотра, и вся забота монгола-хозяина сводится к тому, чтобы стадо его умножалось в росте. Но скот гибнет в огромном количестве от неправильного ухода за молодняком, от волков, следующих везде за стадом, от снежных буранов зимой, от гололедицы и других очень многих причин, почему рост скота незначителен. И все же при всех этих

Монгольская овца

*) Эта глава написана по материалам книги А. Калининкова «Революционная Монголия».

обстоятельствах в Монголии насчитывается до 38 млн. голов скота — лошадей, верблюдов, коров, сарлыков, овец и коз.

Много скота гибнет от различных болезней, так как борьбы с ними не было до тех пор, пока в Монголию не приехали русские ветеринарные врачи. Сейчас это дело ставится хорошо, смертность скота значительно сократилась.

Продуктами скотоводства являются—молоко, масло, шерсть, волос, шкуры и меньше всего мясо. Мясо они почти не едят, а если и приходится употреблять его в пищу, то пользуются павшими или замерзшими животными. Мясо и сало битого скота вывозится за границу.

Из молока готовят пенки, сыр, варенец, кумыс, водку, молочную кашу и масло. Масло идет за границу.

Главным продуктом скотоводства является баранья и верблюжья шерсть.

Кроме шерсти, собирают много конского и сарлычьего волоса, идущего на канаты и веревки.

Много шкур дает Монголия: тут мерлушка, овчины, шкуры годовалой овцы и козлина.

В настоящее время между Монголией и СССР установлена тесная торговая связь. В Монголии работает ряд русских торговых представительств, которые путем обмена на товары закупают большое количество скота и шерсти.

Значительная часть товаров идет по Чуйскому тракту. Вы, наверное, встречали по дороге караваны с тюками — это шерсть.

ДАЛЬШЕ

УТРО было прекрасно.

Все горело, все искрилось золотом.

Лошади за ночь отдохнули и наелись доотвалу. Они лениво щипали траву, выбирая более сочную и вкусную.

Кипели чайники, варился картофель с салом. Проводник с ящиком готовился к отъезду.

Чай пили все вместе.

Солнце стояло на одной линии со станом, когда караван двинулся дальше, а тележка агента начала спуск с перевала к Топучей.

Лошади быстро шли под гору, и через полтора часа путешественники остановились у Песчаной. Это был всего один дом ящика и ряд разбросанных в беспорядке изб алтайцев.

— Ну, как вы хотите, — заявил категорически Алексей, — а я остаюсь здесь на весь день. Наконец-то мы доехали до алтайцев, и я должен обследовать их.

Виктор посмотрел на карту.

До Теньгинского озера оставалось 11 км. Там нужно было сделать большую остановку для изучения окрестностей. Но разве это не окрестности Теньги?

— Ладно, — махнул рукой Виктор и велел проводнику заворачивать в лесок для остановки. Весь день был в их распоряжении.

Алексей ликовал. Он вытаскивал свои записные книжки, налаживал аппарат, заготавливая подарки алтайцам, надеясь обменять на них кое-какие вещи туземцев из их быта, хозяйства и религиозного культа.

Григорий должен был быть его проводником.

БАДАНА

РЕБЯТА перевалили через небольшой горный увал, поросший лиственницей, и дорога пошла травянистым скатом.

На вылезших, как зубья, грядах камней тонкими лапками прицеплялась сосенка, по бокам распластанными лепешками густой кровью горели листья бадана и цветовой стебель, изгибаясь коленами, высовывал метелку полузасохших цветов.

Григорий сорвал лист и разжевал.

Крепкий вяжущий сок неприятно стягивал рот. Григорий выплюнул и обругался.

— И экую пакость пьют вместо чая... Не нашли ничего хуже...

Алексей ухватился за лепешки-листья и с большим трудом оторвал присосавшееся растение от камней, швырнул его в сторону.

Григорий посмотрел, как жабой шлепнулись листья, и сказал:

— Зря, дружок, рвешь.. на вкус он непригоден, а вещь полезная... Собирают его нынче кожи дубить... Да...

КАЛМЫКОВ

ЛЕГКО бежалось под гору, испещренную тропочками. Местами булькали ручейки и были они так малы, что ладонью можно было остановить и ждать, когда вода накопится и побежит другой дорожкой. Они звонко кричали о себе и манили лечь на землю и пить холодную хрустящую воду.

В низинах ходили табуны лошадей, оберегаемые жеребцами. Жеребец кольцом обходил свой табун, не давая отходить лошадям в стороны. Достаточно было одной отстать, отойти, как жеребец срывался с места, летел к ослушнице и зубами или крепкими копытами задних ног возвращал отставшую лошадь к табуну.

Из-за мелких кустарников вынырнула летняя юрта. С полкилометра от нее виднелась другая, и вся долина казалась зеленым ковром, на котором разбросаны чьей-то рукой колпачки-юрты.

Залаяли собаки и бросились на ребят. Ребята сомкнулись и шли рядом, чтобы оберечь себя от нападений.

У юрты на полу, поджав под себя ноги, сидели калмыки и курили трубки, равнодушно глядя на подходивших ребят, они даже не подумали отозвать наскакивавших на них собак, и только когда Григорий крикнул им, калмык вынул трубку и свистнул—собаки замолкли и отошли к юрте.

— Язень,—сказал Григорий.

— Язень,—ответило несколько голосов, и все молча продолжали курить.

— Садись,—сказал старшой.

Ребята сели.

— Кури!—И калмык подал свою трубку Григорию. Григорий знал, что калмыки курят с детства, и отказаться гостю от трубки—значит оскорбить хозяина.

Григорий взял трубку и затянулся табаком.

Пахло какой-то кислятиной, но надо было курить. Затянувшись раза три, он передал трубку Алексею, шепнув:

— Возьми в рот и поклонись—не курю, дескать, а взять должен, не то обидятся.

Алексей неумело сунул трубку в рот, закашлялся.

Алтаец заулыбался и взял трубку.

— Яман, всем яман... Не умешь...

Но приветствие было принято, и гостей встретили ласково.

— Куда идешь? — спросил калмык Григория на своем языке.

— Едем на Абай, зашли к тебе в гости,—ответил также Григорий.

— Гости!—уже по-русски обратился к ребятам калмык.— Гость, это корош. Сиди, угощать станем.

Алексей вывернул из тряпки папушу табаку и протянул хозяину:

— Бери, другом будешь.

— Тамыр, тамыр*),— заулыбался калмык и, погладив рукой папушу, крикнул что-то в сторону юрты.

Дверь юрты отворилась и оттуда вышла молодая калмычка, направляясь к хозяину.

Только теперь ребята осмотрелись кругом. Юрта походила на перевернутую воронку. Высокие жерди, воткнутые наклонно в землю, сходились вместе вверху, оставляя небольшое отверстие, через которое выходил дым, когда в юрте горел костер. Жерди были переплетены огромными листами бересты и лиственной коры. Поверх коры шли новые жерди, снова прикрытые корой. Они так плотно облегали жердяной остов, что не пропускали ни дождя, ни ветра. Внизу в раме с высоким порогом приделана низенькая дверь, входя в которую, приходилось нагибаться, чтобы не разбить головы.

В нескольких шагах от юрты горел костер и на тагане висело несколько различных котлов. За костром сидела старая женщина в распахнутой теплой одежде, из-под которой виднелась грязная распоротая рубаха, оголявшая сухое тело женщины. Она растирала на басмаке ячменное зерно.

Молодая калмычка подошла к ней, сгребла растертое зерно и ссыпала его в небольшой котел и, отрезав кусок мяса, бросила его туда же.

Калмыки, несмотря на жаркий день, сидели в шубах. У иных они были богатые, обшитые бархатом с воротниками и опушками из шкур и на подкладке лисий мех. И все это было грязно, измазано, засалено, кое-где виднелись следы дегтя. Из расстегнутых шуб выглядывали замызганные, почерневшие от грязи рубахи.

Хозяева садились пить, приглашали и гостей — отказываться было нельзя.

На деревянной доске лежали куски недоваренного с кровью мяса, сырчики и в больших чашках белел кумыс. Кумысовая чашка от хозяина переходила к гостям и другим членам семьи. Ели руками, обтирая руки о шубы.

Молодая женщина что-то делала над котлом. Когда она повернулась спиной к гостям, ребята увидели, что из-под ее шапки тоненькими косичками тянулись черные волосы, вплетенные в четырехугольник из серебряных рублей. Их было много. На глаз Алексей определил, что не меньше сорока

*) Друг.

штук. Они закрывали всю спину и белесовато блестели на солнце.

Калмык вынул изо рта трубку, поколотил ее по сапогу и, сплунув далеко в сторону, встал.

— А ну, ходи за мной.

Ковыляя на кривых, от постоянной верховой езды, ногах, он прошел в юрту.

Алексей и Григорий нырнули за ним.

После яркого солнца они ничего не могли разобрать, и только небольшой костер по середине юрты бросился им в глаза.

На улице жара, а в душной юрте горит костер, а чтобы он не погас, от дверей юрты было положено на круглых вальках длинное бревно. Оно по мере сгорания продвигалось вперед и так горело до тех пор, пока не нужно было его заменить новым.

— Нельзя тушить огонь,—как бы поняв недоумение ребят, сказал алтаец.—Огонь священный, жизнь охраняет... тушить будешь, яман будет. Нельзя тушить.

Присев на корточки, он руками разгреб огонь, вынул уголь и, нисколько не торопясь, положил его в трубку. Посопел, пока не показался дымок.

Теперь ребята разглядели юрту. Березовые жерди сходились конусом вверх в узкое отверстие. Это отверстие никогда не закрывалось. Через него снизу шел дым от костра и сверху лил дождь, а зимой сыпал снег. Жерди в два-три ряда были затянуты берестой и громадными кусками лиственничной коры. Для большего тепла внутри растягивались шкуры. На деревянном кольце, скрепляющем жерди остова юрты, висели на веревочках деревянные божки. Их было много. Все они—грязные, засаленные, захватанные руками и болтались, как побрякушки. Тут же висела шкурка сороки и какой-то еще другой птицы.

В правой стороне юрты отгорожено женское и детское отделение. Прямо на полу на шкурах спали обычно женщины и дети. С левой стороны, в лучшем положении—мужчины.

Хозяин достал из деревянного сундука кожаный, расписной кисет для табака с новенькой трубкой и протянул Григорию.

Порывшись еще, он вытащил кожаную сумочку в серебряной оправе с огнивом и кремнем и сунул Алексею.

— Не умеешь курить, учиться надо. Подарки бери.

Его широкое скуластое лицо расплылось улыбкой. Приплюснутый нос сплылся с глазами. Все лицо сияло. Он был доволен.

Юрта

Выйдя из юрты, Алексей заметил какое-то орудие, напоминающее соху, но очень примитивного устройства.

— Абыл,—подсказал хозяин.—Баба землю ковырят, ячмень сеет.

И действительно—эта палка с крючком, нечто вроде мотыги, играла здесь роль плуга. Землю алтайцы не пашут, хлеба не сеют, но женщины абылом вскапывают каменистую почву и засевают ее ячменем. Кроме ячменя, здесь ничего не родится, так как высота местности задерживает оттаивание земли, и в короткое лето хлеб не вызревает. Собранный ячмень сушится, поджаривается и мелется на самодельных жерновах в толкан. Толкан—коричневатый порошок сыплется густо в чай и заправляется солью с кусочками сала. Это любимое варево калмыков.

Когда ребята вернулись к костру, там уже готовились к пище. На траве кружком расселись калмыки; посреди них лежала большая доска с кусками мяса. Старшой вынул из ножен у пояса длинный, узкий и тонкий нож в костяной оправе

и ловкими взмахами разрубил мясо. Засучив рукава шубы, он грязными руками разбирал дымящееся варево, ломал кости, раздавая всем сидящим вокруг. Женщины не подходили, их очередь была последней.

Ели долго, смачно, запивая все кумысом из огромных деревянных чашек.

Алексея тошнило, но он ел, чтобы не обидеть хозяев.

После пили чай из котла. Молодая женщина черпала чай чашками и раздавала их сидящим. В чаю плавали капли растопленного сала и мутное варево толкана. Вместо сахара сюда добавили соли.

БЕСЕДА

ВЕЧЕРЕЛО. До стана идти далеко, и совершенно неожиданно Алексей с Григорием решили остаться переночевать в ауле.

Им дали кошмы, и ребята за юртой у кустарника завалились спать.

Уже дремалось, когда подошел к ним старик Сартай, сел, подложив под себя ноги, закурил трубку.

Алексей привстал.

— Сартай, сколько тебе годов?

Сартай будто не слышал. Медленно тянул дым из трубки, не двигаясь, не шевелясь.

И когда Алексей, отчаявшись получить ответ, прикурнул в кошму, Сартай проскрипел:

— Мноко. Шипко мноко.

— Сколько?..

— Пятьдесят был, давно был... не помню когда... считай. Моя дольше не умей. Мноко...

И засопел трубкой.

В темноте, при свете только отдаленного костра, он казался литым из чугуна. Голая голова с пролезшей, короткой с проседью отавой и только посредине величиной с медный пятак отростки длинных волос, сплетенных в косичку, перевитую шелком и сбегавшую до полу. Скулы широко вылезли в стороны, и все же лицо сухонькое, обтянутое.

Темная алтайская ночь заволокла все. Перевернулась черносиняя чашка с серебром звезд, прикрыла степь.

ДЕВКУ УКРАЛИ

УТРОМ, когда после ночной беседы так сладко спалось, ребят разбудил шум, беготня и крики.

Ребята вскочили очумелыми.

Бегали, сутились люди; хозяева поспешно седлали лошадей. Какие-то новые люди шумели, махая руками.

Вот они вскочили на хозяйских лошадей и ветром понеслись в поле.

— В чем дело?—вскричал Алексей.

Сартай невозмутимо, покуривая трубку, как бы нехотя ответил:

— Девку украли.

У Алексея вылезли глаза.

— Куда украли?..

— Куда, никуда... Девка воровал, жены брал.

Сзади рассмеялся Григорий.

— Да это мы с тобой на свадьбу попали. Жених с товарищами за ночь невестиных лошадей по степи разогнали и невесту выкрали. Если доведет он ее до своего аула — жена, не доведет — отберут, и все.

— А не убьют они жениха?—всполошился Алексей.

Сартай улыбнулся.

— Зачем? Сторгуются. Больше жених даст и ладно. Зачем убивать?

В степи показался верховой. Он быстро скакал к юртам. Вспененная лошадь остановилась.

— Эй,—крикнул приехавший, — опоздали, пропала наша девка. Сбирайся, в гости ехать надо, свадьбу справлять.

Население аула, забыв про гостей, заволновалось.

По степи собирали лошадей. Женщины, мужчины и ребята готовились к поездке на свадьбу.

Пригласили и гостей с собой на свадьбу, но ребята отказались и новой дорожкой двинулись к стоянке.

В ЧУЙСКУЮ СТЕПЬ

ДО ОЗЕРА оставалось 11 км.

Поднялись на гору — и перед глазами путешественников за небольшим лесистым спуском представилась бесконечная степь, окаймленная местами увалами с редко поросшим лесом.

За спуском начался песок и щебень.

Исчезла пышная сочная трава, и сухие жесткие торчки лезли из земли. Дорога была ровной, укатанной.

Вот и озеро.

Вытянувшись своими концами, оно походило на серебряное блюдо с каймой из серо-каменной степи.

Здесь должна была быть длительная остановка, но после альпийских лугов, гигантов-кедрачей и лиственниц на голом месте не хотелось останавливаться.

Чуйские холмы и степь

Ребята растерянно оглядывались кругом. Проводник потянул носом воздух, словно хотел почувствовать запах леса, лугов, и сказал;

— Айдайте к горам—там лесок, а озеро и так поглядим, ежели понадобится.

Лошади тронулись в сторону, и через полчаса караван остановился у редкого леса.

День был жаркий. Там и сям звенели кузнечики, где-то свистели емуранки, а высоко над степью плавными кругами летал сокол, высматривая добычу.

ЕМУРАНКА

РЕБЯТА забрали удочки, винтовку, сачки для рыбы и поплелись к озеру. Григорий захватил свободную леску, шомпол и, хитро подмигивая, сказал:

— Сейчас я вам фокус покажу. Зверя поймаем.

Не доходя до озера, он остановился, воткнул шомпол в землю, привязал волосяную леску и, сделав петлю, положил ее на отверстие в земле.

Не успели ребята отойти и ста шагов, как раздался отчаянный писк, и шомпол задергался на месте. Григорий с хохотом бросился обратно, и ребята видели, как он тащил по земле какого-то зверя.

— Емуранка попалась,—кричал Григорий и продолжал тащить пищававшего зверька.

— Куда его?—спросил Виктор.

— Никуда. Поглядим и отпустим. Ишь, какой дикий, так и норовит впиться зубами.

Все трое обступили хорошенького зверька с налившимися от злости глазами, готового вцепиться в первого, кто подойдет к нему.

— Суслик это — емуранок по-здешнему зовется. Вредный зверек! Это он уничтожает траву, роет норы, поедает корни. А хорошенький.

Он воткнул шомпол.

— Пусть подождет нас, а пока идем к озеру.

Озеро спокойно глядело из своей чашки, чуть шевелясь от легкого ветерка. С северного конца оно проросло осокой, а с юго-западного из него вытекла речка Теньга.

Степь раскинулась без конца, и только легкие взъёмы и лесные куски оживляли ее.

Там и сям бродили табуны лошадей и овец.

Теньгинская степь являлась местом кочующих алтайцев. Во все стороны направлялись хорошие тележные пути: на Чюю, на Уймон, обратно в Бийск и на Усть-Кан.

РАЗГОВОР О СКОТЕ

С УТРА решили отправиться к алтайцам в гости. Оседлали лошадей, забрали подарков и двинулись за озеро, по дороге к Онгудаю. Поподались табуны лошадей, овец, встречались пастухи, лениво лежащие на траве. Они приветствовали ребят, не поднимаясь с земли, и начинали разговор. Григорий бойко болтал с ними и ехали дальше.

В стороне виднелись два домика — станка Теньги. Свернули вправо к юртам.

Выбежали с лаем собаки, но чей-то голос успокоил их, и они, виляя хвостом, скрылись.

— Язень,¹⁾ — крикнул Григорий вышедшему из юрты старому калмыку с трубкой.

— Язень, — и прикрыл лицо рукой от солнца.

— Не табуш бар²⁾, — спросил он.

— Ек³⁾, — ответил Григорий и в свою очередь также задал вопрос.

— Не табуш бар?

— Ек, — махнул головой алтаец и сел на деревянную чурку.

Все слезли с лошадей, привязав их к коновязи.

Григорий о чем-то разговаривал с алтайцем. Тот равнодушно слушал его, сплевывая изредка через трубку на пол.

¹⁾ Здравствуй.

²⁾ Что нового.

³⁾ Ничего (ек-нет).

Ну, ребята, нам повезло,—сказал Григорий, мы увидим камлание. Завтра верстах в пяти отсюда будет камлание. Заболел один богатый алтаец и придет к нему кам.

— Якши —, сказал Виктор. Алексей почесал затылок.

— Вот это здорово,—ну, тут уж не надо плошать.

Григорий о чем-то снова разговаривал с алтайцем. Виктор и Алексей присели на бревно, вслушиваясь в непонятную речь.

— О чем ты?—не утерпел Виктор.

— Не мешайте,—отмахнулся Григорий,—расскажу после. О хозяйстве рассказывает, о табунах, скоте.

Калмык все курил, посыпая в трубку прямо из кармана нового табаку.

Григорий не давал ему молчать, засыпая вопросами, кое как передавая ребятам рассказ калмыка.

— На этой степи и горах, во те, что видать отсюда, пасутся наши стада круглый год. Зимой здесь снега почти не бывает и ездят на колесах. Зимой озеро замерзает, а трава стоит и скот питается ею. Покосов у нас нет, разве напасешься сена на такие табуны.

— А как же,—вмешался Виктор,—питается скот, если выпадет снег?

Калмык подумал, будто не сразу понял вопрос, вздохнул:

— Снег—худо, ой худо,—и снова посыпал короткими ойкающими словами.

Григорий—переводил: Мелкая скотина ногами разгребет и траву достанет, а большой скот мрет.

Калмык передохнул и, минуту спустя, добавил:

— Гололедица бывает—смерть скоту... Тепло станет, снег растает, либо дождь пойдет, а потом замерзнет и степь льдом зарастет. Падают скот, на ногах нестойт, а разбить лед не может... Гибнет скот, табуны гибнут, сена нет. Сколько табунов погибло.

— А много у вас скота?

Калмык посмотрел на степь, пососал трубку.

— Много... Звезд на небе меньше, скота больше было...

— А теперь?

— Мало, очень мало.

— Куда же делся?

Калмык махнул рукой.

— Раньше скоту тесно было на долине. Табуны сотнями лошадей ходили, баранов и не считали. У хорошего хозяина много табунов, у богатого Аргамая со счету сбились. В ночь скотина пропадала, Аргамай только рукой махал—хватит еще. Четыре табуна у него пропало сразу вот за той горой. Пастухи пришли спрашивать, снимать ли шкуры. Аргамай не ве-

лел: пусть лежат—волкам есть тоже надо. Пусть пропащую едят—живых трогать не станут. Вот какие богатеи были.

— Куда же делось все?

— Война,—вздыхнул калмык.—Разогнали, увели, калмыков убили. Как война пошла—все погибло. Скот разбежался, в Монголию много ушло. Ой, много калмыков пропало. Считаю половину...

— Ну, а как же теперь, восстанавливается скот, поправляется?

Калмык недоуменно посмотрел на Григория.

— Да,—мотнул он головой—мало-мало растет. До старого не доросли, нет. Много еще надо.

— Да,—сказал Алексей.—Разорили Алтай здорово.

— Разорили,—гордо поднялся Григорий,—он еще поправится. Алтай еще вырастет. Вот как вырастет.

ХОЗЯЙСТВО КАЛМЫКА

ЗАЖИЛИСЬ ребята в ауле. Поставили палатку в тени деревьев, наладили таган, приспособили свои котелки и чувствовали себя прекрасно.

Много пришлось возиться с коллекциями. Нужно было просушить растения, а то они начали портиться, загнивать. Нужно было пересмотреть бабочек, разложить на вате по датам насекомых и т. д.

В свободное время бродили по гостям из аила в аил, заглядывая в каждую юрту.

Удивляло ребят то, что нигде не было видно ни пашен, ни покосов, ни огородов. Они мало думали о заготовке сена.

— Сена?—переспрашивал старый безбородый калмык,—зачем сена? Трава есть, снег зимой нет. Пускай скот гуляет. Лето гуляет, зима гуляет, трава есть, косить не надо.

И скот бродил другой год по степям, глодая сухую померзшую траву зимой.

Нет у алтайца пашни, нет огорода, не любит он работы, не привык. Его дело—табуны лошадей, баранов; зимой—охота.

Снарядится, заберет провизии, сырчиков, толкана, соли, ружье, сала в пузыре и идет в горы, в тайгу на неделю, на две белковать, соболей выискивать, другого зверя подсмотреть.

А дома жена, мать, дочь. Все хозяйство на них. Женцина заготавливает дрова, налаживает юрту, ведет хозяйство, пашет абылом землю, сеет ячмень на толокно, собирает его, молотит, растирает крупное золотистое зерно на жерновах и поджаривает на железных листах для чая.

Она шьет белье, она шьет и шубу, она несет все хозяйство.

Сшила рубаху мужу, одела на него; набросил он на себя шубу и не снимает ни зимой, ни летом, пока рубаха не истлеет и ленточками не слезет с загорелой бронзы тела.

Не моется калмык, не умывается—за грех считает, и насекомые табунами бродят под его дорогой лисьей шубой, крытой бархатом и сукном.

Сидит летом на солнце в шапке из рысьих щек, в меховой шубе и не жарко ему—привык. Зимой та же шапка, та же шуба.

И кой-где, как редкие полянки в таежной чаще, попадают новые калмыки, новые люди с новыми требованиями, взглядами.

Каменные громады пропустили жизнь, ту, которая идет за гранью алтайских гор. И в алтайских аилах появилась книга, газета, в селах алтайские школы, есть избы-читальни, и молодежь начинает втягиваться в новую жизнь. Идет она медленно, тихо, но идет твердо и упрямо.

В аймаках свои советы из алтайцев. Они сами правят аймаком. Они грамотны, они ведут твердую линию; они знают социалистическое строительство страны.

В горных хребтах вырос новый человек. Но этот человек еще слаб, у него мало сил, его окружает таежная глушь.

НА КАМЛАНИЕ

НА КАМЛАНИЕ провожал ребят мальчик лет 14-ти Ченек. Надо было перевалить через хребет и спуститься в долину. Часа через полтора с пригорка открылась юрта Саганая. Кружком сидели люди, а на лужке паслись в седлах лошади. Виктор покрикивал:

— Шагай, ребята, шагай, как бы не опоздать.

Видно было, как люди поднялись и толпой двинулись к месту камлания у мелкого березника.

Вот и юрта.

С удивлением глядят алтайцы на ребят, что-то говорят все разом, перебивая друг друга, сплевывая через зубы слюну, потягивая длинную трубку.

Ребята присели на бревно. Ченек и Григорий разговаривали с алтайцами. Алексей и Виктор видели, что они чем-то недовольны, что-то неприятное говорят Григорию. Ченек сел прямо на пол, подвернув под себя ноги. Вытащил трубку и закурил ее.

Вблизи горел костер. Возле него вертелся кам, надевая козлиную шубу, увешанную колокольцами и ленточками с расшивкой бархатом и шелком.

Ченек курил и лопотал что-то быстро-быстро на своем языке. А когда одетый кам стукнул палочкой по бубну и алтайцы поднялись с мест, Григорий подошел к ребятам.

— Плохо, ребята. Кам не пускает вас.

— Как не пускает? — вскипел Алексей. — Для чего же мы шли?

Виктор накинулся на Григория:

— Не пойду, никуда не пойду.

Григорий улыбнулся:

— Кам не пускает. Говорит, что духи при вас не появятся.

— Все равно, не пойду, — заупрямился Виктор и голос стал резче, звонче. — Говори, можем мы смотреть или нет?

— Ладно, — согласился Григорий. — Кам согласился, чтобы мы смотрели вон с тех камней, но ближе подходить не велит.

Метрах в восьмидесяти нагромоздилась гряда камней. Виктор осмотрел камни и свистнул.

— Чорт с ними, лучше оттуда, чем совсем не видеть. —

И круто повернул к камням. — За мной, ребята!

Когда они растянулись удобно на камнях, камлание начиналось. Ребята видели все сверху.

Глухо зазвучал бубен. Кам пел песню заунывно, одно-тонно, и бубен плакал, вскрикивал и ревом рассыпался по полю.

Кругом сидели алтайцы.

Вот взвыл бубен, загремел и вздрогнул кам, как-то весь поднялся ввысь и закружился с бубном волчком: разлетелись в вихре ленты, захрипели колокольцы в бешеной пляске, и шуба кама, раздуваясь, летела вместе с камом.

Жертвенное место

Каму надо лететь*), он должен перелететь моря, реки и горы, дойти до хана Эрлика, узнать судьбу Саганая. Каму закрыты дороги, ему пересекают путь звери, но кам не боится их. Он идет, он летит птицей, он несется на спине зверя. Туманы заволакивали путь, уводили кама на озеро, и кам бубном взывал к духам, и они спасали его.

Кам летел, кам кружил, бубен захлебывался, кричал.

Бурные потоки преграждали путь, огненные завесы окружали его!

Кам задыхался, он прыгал, кричал, и бубен неистовствовал в его руках.

Кам знает судьбу Саганая... Бог не зовет его, он будет жив.

И кам радостно трепещет.

Бубен гремит, бубен ревет, несется вверх, звонки хрипят, и кам кружится, кружится. Треск бубна, и кам падает... Пена идет изо рта. Кам недвижим...

Вскакивают алтайцы и в ужасе разбегаются.

Дрогнул звонок, зазвенел. Поднялся кам. Он бьет в бубен и вещает великую радость: Саганай будет жив.

КАМ СПЛОШАЛ

РЕБЯТА не дышали. Они с ужасом смотрели на кружащегося, беснующегося кама, и когда он упал, Алексей не выдержал и закричал:

— Умер, умер!

Григорий хладнокровно одернул его за рукав.

— Молчи... Всегда так... Они от этого не помирают.

В березняке готовились к жертвоприношению. У березки стояла молодая, крепкая лошадь. К ней подбежали люди и быстро замотали голову мешками. Лошадь вздрогнула и забилась, но ее уже тащили к жертвенному месту, окруженному высокими жердями с натянутыми на них жертвенными ленточками.

Лошадь уронили и перевернули на спину. Она билась, но люди крепко держали ее руками.

Подошел кам, зазвучал бубен, и за веревки, привязанные к ногам лошади, люди бросились тянуть в разные стороны. Ноги с шкурой были выдернуты из живого тела.

На длинном шесте повисла высоко в воздухе кожа убитой лошади.

*) Камы говорят, что во время камлания они переносятся в другую страну, встречая на пути большие препятствия. Вот эти препятствия и описываются дальше.

Алтайцы радовались. Саганай будет жив.

Ребята собирались уходить, когда заметили какое-то замешательство у рассказывающихся алтайцев.

От юрты бежал сын Саганая и кричал:

— Помер!.. Саганай помер!..

СТРАНА ПРОШЛОГО

ВЕСЬ ВЕЧЕР перед выездом с Теньги читали „Золотой ключ“ — Караваевой. Историческая повесть рисовала прошлое Уймона — того края, в который должны вступить наши путешественники, и перед ребятами вырисовывалась какая-то сказочная страна, в которой скрывались беглецы от гнета царского самодержавия, вели отчаянную борьбу — не на живот, а на смерть.

Григорий вытащил какой-то сборник об Алтае, где говорилось об историческом прошлом Уймона.

— Богатый край, — сказал проводник, — мужики живут в золоте. Хлеба у них не проворотить. Народ крепкий, стариковский — кержаки богомольные, страсть и табашников не любят. У них уже не покуришь. Есть разные среди них. Иные — чашники, так те с тобой есть ни за что не сядут и чашки тебе не дадут. Угостят, накормят, только к столу ихнему не подходи и посуды не трогай... На что ковш воды испить и то не дадут. А если в колодезь ихний слазишь, — забьют, плюнут и воду брать не станут. Так, разве для скота. А то еще дырники есть. Дырку в стене провертят и молятся в нее, молитвы читают. Много всяких есть.

Долго еще сидели, разговаривали, слушали рассказы проводника, и только черная ночь успокоила всех.

Круто обходились русские цари с раскольниками жгли, казнили их, тысячами ссылали в монастыри, Сибирь, в поселение, а те, кого еще не успели поймать и кто не хотел своей веры рушить, никоновского учения принимать, бежали со всем семейством, скарбом, скотом за Урал, в тайгу, в горы, в алтайские неприступные ущелья. Селились там, спасаясь от гонителей веры, от царских податей и налогов. Уймонские горные дебри охотно приняли их. В начале XVIII века здесь появились впервые русские. Сюда же скрывались дезертиры, беглые крепостные и рабочие с рудников, заводов, заводские крестьяне.

Тяжела была участь горно-заводских рабочих крестьян. В Сибири не было крепостного права, но не лучше были горнозаводские работы. К ним прикреплялись рабочие и по наборам крестьяне на всю жизнь. Только полная дряхлость,

старость, болезнь освобождали их от непосильной каторжной работы. Горнозаводские люди не знали отдыха, покоя. Целый день на тяжелой работе в рудниках, в заводах и только краткий отдых в праздник. Жили они в казармах, ели из государственного котла гнилую, полусырую пищу, боля и мучаясь от нее. За каждую провинность следовали жестокие наказания, порка, часто до смерти.

От непосильной работы люди быстро умирали, делались калеками, инвалидами, а иногда бежали группами и в одиночку с заводов и рудников на Алтай, в недоступный Уймон. Но их ловили разбросанные по горному Алтаю пикеты и форпосты, жестоко наказывали, а зачинщиков запарывали до смерти или замуровывали в каменные стены.

Укрывшиеся в Уймоне беглецы быстро отстраивались, заводили свое хозяйство, семью, вооружались самодельными ружьями и жили на положении вечных беглецов.

Старики в книгах находили сказание, что где-то за горами, за пустыней есть озеро, на нем остров со святыми белыми реками, храмы там и божье царство на земле.

И целые отряды, деревни со скарбом, женами, ребятами снимались с места и идут неведомыми тропками к этому „Беловодью“. И опять их ловили царские войска, возвращали, наказывали, но кержак крепок, упрям. Он снова и снова уходил на поиски таинственного „Беловодья“.

ЯБАГАН

ВОТ КУДА в'езжали ребята.

Лошади шли по хорошей дороге, мягко покачиваясь при легкой рысце.

Степь тянется полосой, огораживаясь кой-где голыми увалами.

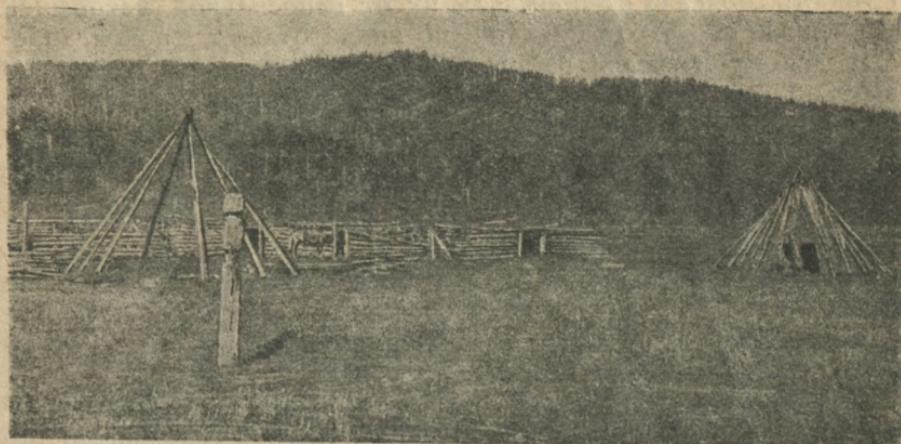
Часы идут за часами. Вот начался Ябаганский под'ем, и на переломе он вдруг оделся весь лиственным лесом.

— Странно, — сказал Алексей, — здесь горы покрыты лесом только с одной стороны, а с другой голы.

— Это понятно, — ответил Виктор. — На Алтае преобладают южные и юго-западные ветра. Они сдувают мелкий налет земли и растению негде укорениться на каменистой почве. Но на северо-восточных склонах земля ложится толстым слоем и растение легко укрепляется на ней. Поэтому горы и одеваются только с одной стороны.

— Здорово придумано, — крикнул Алексей и начал спускаться к видневшемуся станку Ябаган. По долине разбежались калмыцкие юрты.

Ночевать решили у Ябаганского озера.

*Зимовье алтайцев в долине Ябагана Усть-Канского аймака
(аил и приют для скота)*

Усталые дотянулись до него и повалились на мягкую траву. Но проводник поднял на ноги:

— Лошади-то, поди, больше устали.

Переход был сделан большой, в 55 километров, и надо было дать отдых лошадям. Расседлали, стащили вещи кучей, натаскали дров и растянулись у костра.

Озеро все было видно, как на ладони. Круглая тарелочка с поперечником немного более 100 метров поражала чистотой воды. Оно казалось совершенно черным и прозрачным.

— Глыбко здесь, ой, глыбко, — заметил проводник и, схватив большой кол, далеко забросил его в воду. — Смотрите.

Палка покачалась на легкой ряби и вдруг медленно, но верно поплыла к берегу.

— Плывет, — закричал Алексей.

— Вот в том-то и штука, — сказал проводник, — что плывет. Озеро и течения в ней нет, а плавает... Должно в ей какая-то штукovina есть внутренняя, без этого не поплывет.

Палка медленно подплывала к берегу.

Еще день и остановка в Усть-Кане.

КУМИР

УТРОМ должны были свернуть на Уймонский тракт, чтобы пересечь страну прошлого — Уймон, но вдруг поднял шум Алексей.

— Что же, ребята, мы сидим сейчас возле удивительно интересных мест и должны уезжать в сторону. Ведь здесь

вблизи прекраснейшая река Кумир, о „Девичьем плесе“ которой знают все, даже не бывавшие на Алтае, а мы проедем мимо. А еще дальше Каргонское ущелье, каргонские каменоломни, снабжавшие когда-то колыванские заводы сырьем. Неужели мы не посетим эти места? Это будет позор для нас.

Заявление Алексея ошарашило всех.

— И верно, как же не посетить такие места!

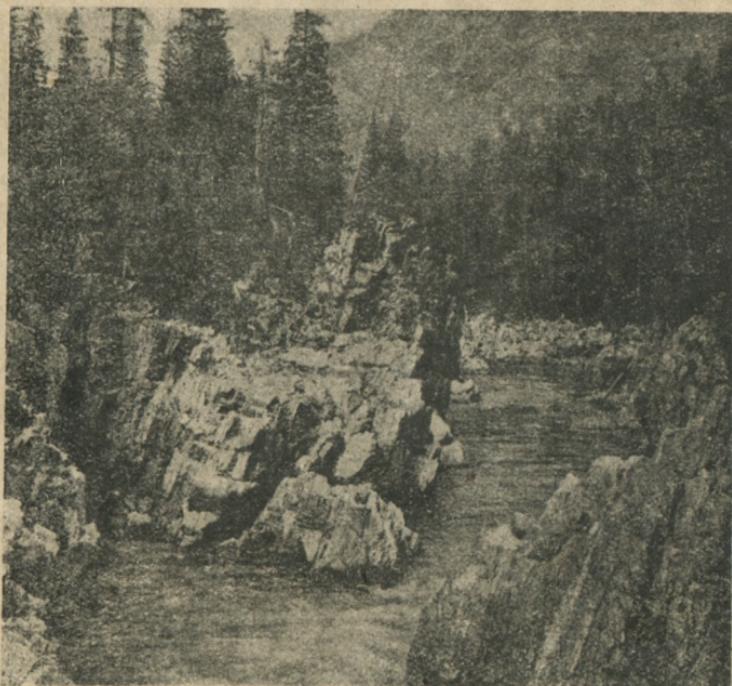
Виктор вынул свой план путешествия, долго высчитывал маршруты и время поездки и нашел, что они очень торопятся и загнали значительную экономию. И если сейчас свернуть в сторону к Каргону, это не отразится на сроке путешествия.

— Идет,—захлопнул он тетрадь,—это действительно большое упущение, что в наш маршрут не попало ущелье. Едем.

И лошади, свернув с Уймонского тракта, продолжали прямой путь к Тюдрале.

Дорога шла степью.

Вскоре показались истоки Чарыша-реки, которая в конце становится судоходной и является одним из больших притоков Оби.

Река Кумир

Дорога то и дело переваливает через хребты и спускается к притокам Чарыша.

Здесь остановила внимание ребят долина реки Кутюргень. Она вся была изрыта канавами-арыками с особыми запрудами, через которые местные крестьяне орошали свои поля. Таким образом, для местного населения не страшны были засухи и бездождие. У них всегда была готова поливка из бесконечных речек—притоков Чарыша.

На половине дороги показались вдали снежные вершины, отливающие розовато-коричневыми тонами с редкой синевой.

Вот и Тюдрала,—небольшое селение с 85 домиками и 389 жителями.

Сюда летом съезжается много дачников. Прекрасная природа, ровный мягкий климат (900 метров над уровнем моря), защищенный горами, создает хорошие условия для жизни.

Дорога от Усть-Кана со сборами отняла всего 4 часа, был только еще полдень, но ехать до „Девичьего плеса“ (12 км.) было поздно. К вечеру не вернуться, дорога трудная, опасная, и решили прожить день, побродить по окрестностям, если можно поохотиться. Обследовать крестьян. Работы всегда полно.

Утром тронулись в путь. Колесная дорога скоро кончилась. Переехали брод и свернули налево к виднеющейся одинокой заимке. Здесь надо было оставлять лошадей. Дальше шел путь только тропкой среди камней.

Камни поднимались, лезли вверх, подернувшись зеленой шапкой деревьев. Степи сжимались, заковывая в узкую трубу бушующий Кумир. Он бешено рвется, хочет вырваться, разорвать узкий коридор, но не может и в диком отчаянии ревет, кричит, перекидывая через камни и, вырвавшись в широкий разлив, разбегается в три русла и замирает, застывает сине-зеленой глубиной вод. Дно здесь провалилось, ушло и вода остановилась, как бы раздумывая, что ей делать, и тихим потоком скатывается дальше по течению.

— Вот он, „Девичий плес“.

На ровной поверхности отразились камни и лес.

Ребята, пригнув, сидели на камнях, не в силах оторваться от чудесного зрелища.

ОПЯТЬ БАДАН

НА ОСТРЫХ КАМНЯХ в расщелинах буквально в горсточке земли, протянувшись жгутами, вылазили лохматые корни бадана. Его кроваво-кожаные листья лепешками припластались к камню и только длинный стебель с целой шапкой розовых цветов качался при легком ветерке.

— Надо срезать, — сказал Виктор и ножом отхватил часть корневища.

— Много ведь у тебя его, — заметил Алексей.

— Что ж, лишним не будет. Бадан — вещь полезная. Для изучения пригодится.

— Чай из его пить станем, — улыбнулся проводник.

— Нет, уж спасибо, — крикнул с высокого камня Алексей. Попили в свое время, а теперь не хочется.

— Кишки стянуло, — захохотал проводник.

— Кожу ими дубить, а не чай пить, — проворчал Алексей.

— А кержаки пьют да хвалят, — сказал проводник.

— Ну, и пусть пьют, а мы им кожи дубить станем, — заметил Григорий и перепрыгнул через камень. — Это теперь золото, — не даром его каждое лето тысячами пудов собирали.

— Да, — подтвердил проводник. — Раньше годов пять тому назад на него и не смотрел никто, а года два, сколь рабочих тут наезжает. Режут его, сушат и все в город, город. Целые караваны везут его, сказывают, на дубление кож.

КОТЛЫ

ПЕРЕЛЕЗАЯ через камни у берега Кумира, ребята заметили на плитняке любопытные ямы. Они прямо уходили в камень от четверти до 1 метра глубиной, расширяясь к низу и кончаясь правильной чашкой. И в каждом таком мешке на дне лежал булыжниковый камень.

— Как нарочно, — воскликнул Алексей. — Это, ребята, интересно.

Подошел проводник.

— Котлы это, — заметил он.

— А кто же наделал их? — изумился Алексей.

— Кто? Как тебе сказать? Вода. Это как весной забунтует вода, либо после больших дождей, выйдет она из берега, наскочит на камни и начнет вертеть кругами. Попадет такая булыжина и начнет ее крутить. Камень-то под ей мягкой, он и того, — поддается, высверливается. А ямка зачалась, так тут уже ее все глубже и глубже выедаст. Ишь, какие навертело. Это что, а на Катуня аршина по два есть такие. Стать в них можно и спрятаться когда что... Вот она какую силу вода имеет.

КАРГОН

В КАРГОНСКОЕ ущелье двинулись с утра. Предстоял путь от Тюдралы в 38 км. В день не обернуться. Запасшись легкой провизией, двинулись в путь.

Вчерашний спокойный Кумир при переправе не узнали. Ночью прошел в верховье большой дождь, и река вскипела,

поднялась, забурлила, неслась в бешеном порыве, и думать о какой-либо переправе вброд не представлялось возможным. Приходилось пользоваться лодками. Узкие лодки легко скользили по реке, но течение далеко сносило их вниз. Садились на две лодки. Лошади плыли по сторонам на канатах.

Переплавившись так, снова оседлали лошадей и двинулись в путь.

Вскоре показалась деревня Чечулиха. Но останавливаться в ней не хотелось. Задержка сократит пребывание в ущелье. Свернули за деревню и долиной реки Каргона двинулись дальше. Бурный Каргон оброс весь каменными громадами красной яшмы и порфира, а у самого берега стеной вытянулся темный хвойный лес.

Все казалось чем-то волшебным, сказочным: эти стены

из цветных камней, зелень лесов и бурный поток Каргона.

Долина все сужалась. Цветной камень подходил к реке, словно хотел сжать, перерезать, загородить дорогу.

Здесь начинались каменоломни.

Плесенью, мхом, кустарником поросли они, домик управляющего, от которого остались только следы. Все в прошлом.

Камень отсюда вывозился на Колыванскую шлифовальную фабрику, где в порядке обязательного, почти каторжного

Река Каргон

труда люди сидели над каменными глыбами, высекая колонны, вазы, чаши и другие изделия.

Рабочие подвергались жестоким наказаниям и жили в нечеловеческих условиях, вырабатывая никому ненужные вещи для царских дворцов.

Изделия колыванских заводов славились по красоте отделки на весь мир. Недаром часть их цари раздарили иностранным государствам. Колыванские вазы стоят в Париже, Лондоне и других мировых столицах.

Еще до революции эти заводы замерли, а сейчас и совсем прекратили свое существование.

УЙМОНСКИЙ КРАЙ

ЧЕРЕЗ четыре дня после возвращения с каргонских каменоломен остановились у Абая, проделав около 100 км. по Уймонскому тракту. Степная дорога разнообразилась насыпными курганами и каменными бабами — памятниками древней старины. Там и сям виднеются алтайские айлы и бродят табуны лошадей, стада коров и овец, быстро перебегают, поспивывая, емуранки.

Здесь начинался новый интересный путь. Приближалась красивейшая часть Уймонского тракта и самая гуща старины — Уймонский край.

Торопились ехать, чтобы увидеть ее красивые места. Часа в четыре утра лошади уже были в седлах и путники бойкой рысью ехали хорошей тележной дорогой. Наполовине она подбежала к самому берегу реки Коксы, спрятавшись в наступавшие скалы. Вот открылся вид на синюю Коксу, залезшую на 40 метров вышины. Кругом громадные ели и бесконечные заросли тальника. Дорогу перерезают речки, ручейки. В небольшом веселом логу спрятался десяток домишек деревни Красноярки, заглядывая своими окошками в Коксу.

Солнце начинало греть. Легко перекусив и дав отдохнуть коням, двинулись дальше. Предстояло пройти 38 км.

Поперек долины оборвалась в реку каменными скалами березовая грива. Надо залезать на нее. Целый час надо лезть на крутую гору, чтобы в несколько минут спуститься с другой стороны к бурному Тюгурюку. Гремит он о камни и с белой пеной подлетает под деревянный мост. Мост дрожит и дергается. Весной захлестывает его водой и бывает, как щепку сбрасывает в кипень и уносит с собой, разбросав бревна и плахи по острым скалам берега.

Сбоку зачернела тайга, но дорога вильнула в сторону и расцвела желтым альпийским маком.

И опять нахмурились скалы, сдвинулись, столкнув дорогу к самому краешку реки. Впереди выросли скалы синего сланца, а дорога взлезает все выше, по узкому карнизу скал, огороженному со стороны обрыва деревянными перилами.

Синий бом загорелся от лучей завалившего за горные верхи солнца, и красная краска сплелась с синей, засиявшей целой радугой цветов.

Лес убежал и кусты таволжки, шиповника, жимолости, перемежаясь сухой травой, одели огромную шапку скал.

Нырнула дорога вниз и остановилась широким плацем у маральника.

Но надо спешить. Дорога трудная—останавливаться некогда.

И опять косогоры, долины, две речки Громотухи, кричащие, гремящие на несколько верст, и опять бомы, и опять бесконечная даль ледников, и внизу равнина Уймонской горной степи и на ней село Усть-Кокса.

Григорий спешит записать: дорога проложена искусственно силами уймонцев. Это они взломали ломами и топорами острые скалы, сбили их, срыли откосы, огородили и сделали неприступные стены проезжей тележной дорогой. Инженерами были уймонские беглецы и поселяне.

— Отдыхать, отдыхать и отдыхать,—закричал Алексей, когда лошади в'ехали в Усть-Коксу.—Шутка, 59 км. по такой дороге! С 4 час. утра до 7 час. вечера.

Ребята не заставили себя упрашивать и, расседлав коней, закусив молоком с свежим хлебом, завалились спать под навесом на свежей траве.

КЕРЖАКИ

ДОРОГА вышла снова на Катунь, от которой от'ехали еще в Аносе. Катунь, извиваясь, пересекла Чуйский тракт и завернулась на запад на Уймон, обогнула его и снова вернулась на юге к Белухе.

Дорога вышла на запаханные поля с прорытыми всюду арыками.

Через полтора часа встретилось большое село Верхний Уймон, заселенный кержаками.

Здесь надо остановиться.

— Понюхаем кержачье,—сказал проводник.—Тут ихнее самое гнездо.

Крепкие хозяйственные дома с пригонами, поветями, стайками. Богатые скотом, лошадьми. Наличники окон выкрашены яркими красками, такие же двери. Внутри избы чисто выбелены стены, деревянные части раскрашены разноцветны-

ми красками. В углу целый иконостас с лампадками и белыми полотенцами вокруг икон.

Ехали к знакомому проводника.

Спалками в руках встречались большебородые крестьяне, в овчинных или кошемных шапках, с большими подстриженными в кружок волосами.

Они медленно и степенно проходили мимо ребят, не оборачиваясь ради любопытства, как это делали в других деревнях.

— Гордый народ, — заметил проводник, подхлестывая лошадь.

Знакомый проводника был также кержак.

— Креститесь, когда в избу войдете, — подсказал ребятам проводник, — иначе в избу не пустят.

Ребята переглянулись.

— В чужой монастырь с своим уставом не ходят, — сказал Алексей, — придется перекреститься.

Григорий ухмыльнулся.

— Мне можно не креститься. Он меня может и совсем не пустить. Не любят калмыков.

Ребята вошли в избу, перекрестились трижды и низко поклонились хозяевам.

— Здорово живете.

— Здорово, здорово, — приветливо откликнулись хозяева, вставая из-за стола. — Милости просим, присаживайтесь. Отколе будете?

Вошел проводник, долго крестился, кланяясь хозяевам.

— Мир вам, — сказал он, кланяясь еще раз.

— Мир и тебе, — хором ответили хозяин и хозяйка. — Садись к столу.

— Благодарствуем.

Гостей посадили за стол. Хозяйка принесла домашнее пиво и поднесла, кланяясь, всем по стаканчику.

— Не обессудьте сладенького с устаточку.

Сладкое медвяное пиво приятно освежало горло, но быстро ребята почувствовали его силу. Оно пьянило. Сознание не терялось, но ноги и руки словно налились тяжестью и отказывались служить.

Прямо из-за стола завалились отдохнуть в садике на траве в тени черемухи.

Алексей приступал к обследованию. С фотографическим аппаратом дело обстояло плохо. Никто из кержаков не пожелал сниматься, считая, что это антихристова печать.

Пришлось отставить зас'емку. Нельзя и записей было делать. Достаточно было вынуть бумагу и карандаш, как кержаки начали отодвигаться и расходиться в разные стороны.

— Вот дубье,—проворчал Алексей и засунул книжку и карандаш подальше в карман.

Приходилось надеяться на память.

Наблюдения давали много материала.

Кержаки еще жили далеким прошлым. Жизнь идет еще на манер древних скитов. Есть в деревне свой духовный наставник, которому послушны все и подчиняются всем его приказаниям и распоряжениям. Без его благословения не начнут никакого дела. Наставник, обычно кулак, пользуется этим во всю, обирая своих подчиненных.

Население почти поголовно безграмотное боится школ, считая их за бесовское учреждение. На все село не больше 4 проц. грамотных, да и то по-особому—умеющих читать древне-церковные книги.

Ни книги, ни газеты никогда не заглядывают сюда. Единственная книга, которую признает кержак, это „священное писание“.

Никаких развлечений не разрешается. Посты и молитва— вот обычное дело кержаков.

Всего нового боятся, как огня, открещиваясь крестом и святой водой.

Но все же новая жизнь проникла сюда и начала развал кержацкого устоя. Красноармейцы, возвращающиеся домой, несут новые взгляды, новые знания. Они сразу же становятся против стариков, отказываясь от веры, от стариковских устоев, требуя введения кооперации, комитетов взаимопомощи и т. д.

Старики на дыбы—и деревня делится на два лагеря, ведущих беспощадную войну. Молодежь переходит на сторону новых людей, старики проклинают своих детей, гонят из дому, но это не спасает. Старая семья рушится. Кержачеству—этому монастырскому затворничеству—приходит конец.

Даже женщины начали поднимать голову и требовать своих прав.

Победа молодого не за горами. Но кержачество еще сильно и велико.

Так писал Алексей утром чуть свет в своей записной книжке.

— Все-таки уж здесь есть комсомол, только он боится открыто сказать свое слово. Ему еще надо много бороться за право своего открытого существования. Пионеров нет и не может быть в этом живом монастыре.

— Пьянствуют, хулиганят, дерутся отчаянно, но за грех это не считают. Пойти же на спектакль или кино, которые заезжают сюда, считают смертным, непростительным грехом.

Молодежь вводит плуги и даже подумывает о тракторе. Старики обещают сжечь. Деревня на положении войны, но надо надеяться, что старики будут побеждены.

Алексей слышал шаги и поспешил спрятать записную книжку в карман.

ТАЙМЕНЬЕ ОЗЕРО

ОПЯТЬ ДОРОГА. Катунь. Мелькают деревня за деревней. Все такие же крепкие, твердые, как хозяева-кержаки. Нижний Уймон. От него влево дорога через болота и тундры на Тайменье озеро. Лошади поворачивают на заросшую, как лесом, травой долину, лезут вверх, ползут часами и несколько минут спуска к истокам реки—и снова гора, снова под'ем на долгие часы. Через несколько верст новые реки, новые каскады притоков Катунь, и природа через каждый час меняется, словно по мановению волшебной палочки. Новая высота и новая природа. Высоты прыгают, скачут. То 1500 метров над уровнем моря, то 1800, то опять 1600, а то и 2100 и больше. То роскошные заросли трав с целым ковром пышных цветов, то лес, то сухая степь, а то тундра с мелкой березой и игрушечным тальником, крошечными цветами, воткнутыми в землю.

И реки, реки и реки. Вот Мульта, Сугаш, Зайчиха, две Собачьих, Хайрузовка. На виду Катунь, а сколько мелких, и все они упрятались в скалы, кустарники.

Там и сям белые простынки снегов, ледников, отливающих зеленой синью. Камни, скалы, охапки цветов в отвесных камнях и по верху зеленые шапки лиственниц, елей и других деревьев.

Вот рассыпались голые камни и лениво сходят к реке ступенями. Лошадь идет нервно, тяжело, едва перебирая ногами, а то вынырнет болото, трясина, и опять лошадь бредет, изучая каждый шаг.

Но вот лошади взобрались на лесистый косогор и пошли широкой ровной тропой.

Через лесные прогалины синей сталью замелькала зеркальная поверхность озера. Тайменье озеро.

Виктор вынул записную книжку и отметил—четверо суток от Верхнего Уймона до Тайменьего озера. Расстояние около 100 км.

Озеро застыло вытянутой тарелочкой, окаймленной с севера отвесными безлесными скалами, и с юга на сбежавшем берегу—лентой черни. Там и сям белеются остатки ледников, шумные потоки рвут скалы и водопадами срываются к озеру. В узких стенах серебрятся более спокойные речки. Всех их вбирает в себя озеро и широким спокойным плесом сливает в речку озерную.

Тайменье озеро

На глади воды скользнуло несколько маленьких плотов, это уймонские крестьяне ловили хайрузов и ускучей.

— Легше, — крикнул проводник Алексею, — глубь здесь побольше, чем в Караколе. Не купайся, смотри.

Ребята рассмеялись.

Лошади уже спускались в долину озера, поросшую диким лесом трав. Перебрали Хайрюзовку и остановились у деревьев.

— Отдых.

Горит костер, ярко вспыхивают смолянистые ветки и приятный запах пищи щекочет нос путешественников, копошащихся возле вещей. Проводник налаживает палатку.

Виктор роется в книге.

„Высота 1540 метров над уровнем моря. Озеро обязано своим происхождением моренам когда-то бывшего здесь ледника. Ледник двигался, исчезал, сползал и между его каменистых краев застыло Тайменье озеро“.

День для Тайменьего обеспечен. Надо обойти его, обследовать.

Утром с палочками, мешочками для провизии, рамками, баночками для сбора коллекций и ружьями за плечами двинулись втроем по тропинке в обход озера.

Дорожка побежала около самого озера, вот она перебралась через речку, вот подбежала к озеру, вот взобралась на кудлатый травяной косогор, соскочила с него по камням и заюлила к длинному мысу, влезшему в озеро. Отсюда открылось все

озеро. Отсюда видно, как с противоположного конца прямо с горы срывается белыми водопадами Громотуха.

Щелкнул аппаратом и двинулись дальше.

Тропа закапризничала. Вбежит на косогор, остановится перед острыми уступами плитняка и спрячется. — Лезь, дескать, дальше, куда хочешь.

Крючьями хватаются ребята за камни и лезут ребята на острое седло. Перелезут и в траве опять смеется тропа серой змейкой.

Вбежала она в топь, потерялась в каменистой россыпи и замелькала снова в травяной степи.

Издали донесся шум, грохот.

Прибавили шаг и остановились изумленными. В узкой долине гроыхали два водопада. Это раздурилась речка Тайменька, убежав в сторону от озера. Серебристая зелень речки Тайменьки манила ребят. Взглянули в последний раз на стан и круто повернулись к верховьям речки.

СЕРЕБРЯНОЕ СЕДЛО

— ВПЕРЕДИ самое страшное и самое интересное, — сказал Виктор, поворачивая лошадь за проводником. — Истоки Катуня, Белуха и Рахмановское озеро.

Дорога обещала быть интересной и она оправдала ожидания. Путешественники сразу же въезжали в полосу бывших ледников и каждый шаг был памятником этих ушедших белых великанов.

Дорога глубоко спустилась к броду реки Озерной и спряталась в черни, густо сплелась ель с кедром и пихтой, скупно пропуская свет, и в иных местах под шапкой хвои темнота и сухая земля. Травы там нет, без солнца ее не может быть, но там и сям булькают крохотные ручейки, стоят озерца, которые можно закрыть носовым платком и тонкой струйкой в 2-3 сант. бегут от них ручейки. И опять гора, высокий травянистый вз'ем и через несколько верст снова спуск. Кругом видны бесконечные истоки мелких речушек. Броды через реки и речки.

Вот кривыми дентами начались морены — памятники на могилах ледников. И вместо цветов на могилах вытянулись лесные заросли.

Лезет дорога вверх, залазит на 2200 метров и новые истоки, новые морены.

Вот Тюрген-Су. Седло завалилось нагромождениями морен, свисающих по обе стороны. Они сбежались грядами вдоль тропы.

Дорожка побежала вниз в новые морены к долине. Зеленый ковер трав и табуны киргизских лошадей.

Забелелась чешуя Катуня. Там отдых и ночевка. На 35 верст едва хватает дня. Лошадям тяжело. Нужен отдых.

ОПАСНАЯ ПЕРЕПРАВА

ТИХО бредут лошади по берегу Катуня. Из-за скалы выскочил синеводный Верхний Кураган и врезался синевой в мутную Катунь. Дорога свернула в долину к виднеющемуся вдали мосту.

Под'езжая к мосту, ребята остановились в недоумении.

— А как же по нему ехать? — заявил Алексей, — я не поеду.

— Переедем, — апатично отозвался проводник и стал слезать с коня. — Все ездят, а мы чем хуже.

С берега на реку были повалены стволы деревьев. Чтобы они не свалились в грохочущий поток, на комли были навалены огромные камни, и бревна, как удочки, висели над рекой. С другой стороны было то же, но вершины далеко не сходились. В этом пролете были брошены новые гиганты-деревья, увязанные с концами деревьев, брошенных от берега.

Водопад Рассыпной.

При легкой нагрузке этот мост гнулся и скрипел, а узкая тропинка на них и грохочущий поток говорили о том, что пройти, а не проехать, может здесь только очень опытный алтайский житель.

Проводник расседлывал лошадей, связывая вещи и села в мешки.

Ребята помогали, не зная, что же делать дальше.

Лошадь, фыркая, вошла в воду, когда проводник был уже на середине моста. Она рывком бросилась в воду и поплыла, стараясь противодействовать несущей ее воде.

Проводник уже был на берегу. Быстро завязал аркан за дерево и тащил лошадь к берегу.

Ребята наблюдали молча за этой переправой. Виктор щелкал аппаратом. Первым полез Алексей и Григорий с легкими мешками за спиной. На их обязанности лежало разводить костер и готовить пищу, пока совершается переправа. Много времени отняла она. Мешки с седлами перетаскивали на канатах. Нести на спине было тяжело, и проводник легко мог сорваться в воду.

И снова идут лошади. И снова лес, броды, травянистые долины. Вон дорожка остановилась у Катуня и лошади спустились в холодную ледниковую воду. Было мелко и перебродили благополучно, хотя невольный страх охватил ребят.

Часа через полтора ночевка. Отсюда до верховьев Катуня 30 км.

— Успеем ли за день добраться до них?

Болота, болота и болота. Лошади тонут, выкарабкиваются и снова лезут в мякоть почвы.

Кони устали, измучились. Через 15 верст у Елен-Чардыра надо делать остановку на ночь. Завтра ледники.

С новой энергией поднялись ребята и, едва закусив, уже сидели на лошадях.

Долина Катуня сделалась узкой, река шумливой, а дорога лучше. Она мадо из'езжена, сюда ездят только охотники да любители Алтая. Через несколько часов появляются ледники. Они вынырнули из-за горы и стоят впереди огромным белым седлом.

Спуск в болото. Остановиться негде, и лошади понуро бредут по берегу Катуня. Вот кончилась топь. Впереди громада льдов. Лошади остановились. До снегов версты две. Густая высокая трава.

Впереди два конуса Белухи и большая часть ледника Геблера, из которого вытекает Катунь*).

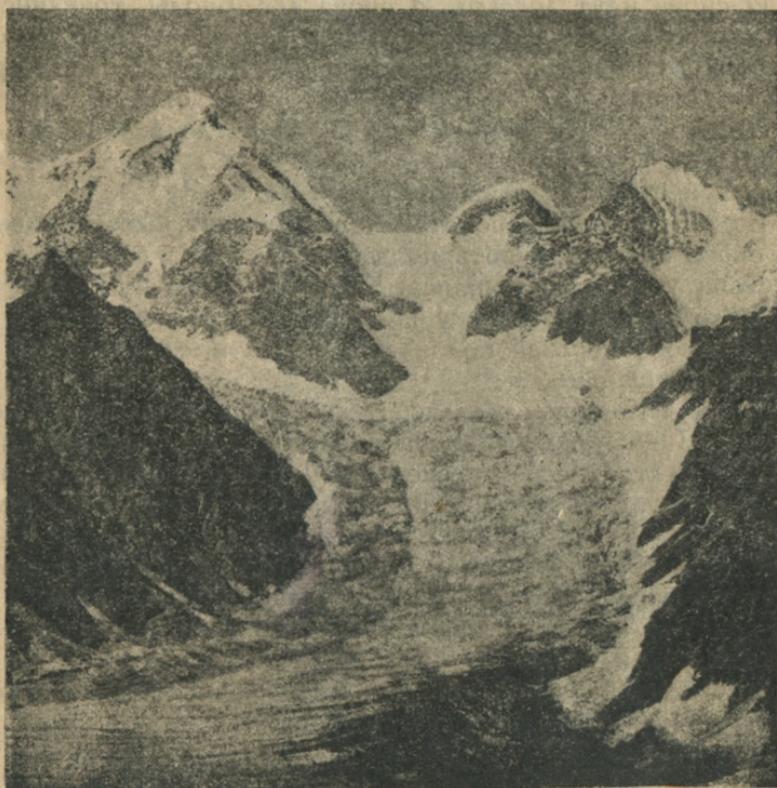
*) Эта глава написана по книге проф. В. В. Сапожникова „Пути по русскому Алтаю“.

НА ЛЕДНИКИ

НАДО ЖДАТЬ до утра, чтобы с первым лучом пуститься в путь в царство вечного льда.

Не терпится. День еще ярок. Впереди гора серебра, изогнутого седлом. Но надо ждать, подготовиться к опасному путешествию. Решили своего проводника оставить с лошадьми у стана, а самим с новым проводником, запасшись веревками, палками с гвоздями, котелками, теплой одеждой и провизией на два дня, идти на ледники.

Тотчас же началась работа. Виктор вытащил из мешка железные пластины с острыми железными шипами наружу и принялся за привинчивание их к подошвам. Алексей и Григорий последовали его примеру. Ходить по ледникам в обыкновенных сапогах—довольно трудное занятие. Шипы глубоко вонзались в снежный покров и ослабляли скольжение ног. Палки с крючками на концах давали возможность зацеплять-

Ледник Белухи

ся за камни и ледяные выступы. Все это должно было помочь в путешествии.

Улеглись спать раньше петухов, завернувшись в теплые одежды, брезент и мешки. Костер горел всю ночь.

Проводник разбудил всех, еще только розовелось на востоке. В полутьме он вскипятил чай и приготовил горячий жирный завтрак, который бы зарядил ребят по крайней мере на полдня.

Быстро повскакали ребята, умылись в речке и принялись за еду.

Проводник ел молча, сосредоточенно, вызывая ребят на это.

— Ешь, ешь, работа большая будет, до вечера горячего не увидим.

Завертывали в сумки хлеб, колбасы, консервы и бутылку вина.

Последние приготовления закончены.

День выдался на редкость. Ни одного облачка. Солнце лениво гылезло из-за гор, щурясь нехотя через дальний лес.

Проводник засунул за спину топор, ребята набросили на себя винтовочки и чуть заметной тропой двинулись к седлу. Оно начинало светиться серебром, подернутым серыми выступами каменных громад. Седло казалось близким, близким, но сколько они не шли, седло не приближалось.

Дорожка вышла в коридор из морен. Тут с ревом неслась только что родившаяся Катунь. Вода обжигала холодом и была мутна. Она несла мелкий щебень—известняк. Краешком потока шли у стены камней. Проводник остановился и пальцем показал на камень, где были выбиты две буквы С. и Р.—1897 г.

— Путешественники это выбили,— заметил проводник.

Ребята догадались, что этот знак оставлен профессором ботаником В. В. Сапожниковым, когда он впервые восходил на ледники Белухи. Дальше встретились еще камни с надписями.

— Каждый свое имя пишет,— улыбнувшись бросил проводник.— Тут, когда этот профессор проезжал, ледник у самого первого камня был. Тут и мета есть, а теперь вишь, куда ушел.

ЛЕДНИКИ УХОДЯТ

РЕБЯТА шагали молча вперед. Через полчаса они остановились у темного ледянистого жерла, где из-под грязного жерла вырывалась бурным потоком Катунь. Это было ее рождение. Она начиналась где-то в глубине льдов. Проникнуть туда уже не было возможности.

— Вот как образуются ледниковые реки, — сказал Алексей.

— Вода от тающего льда и снега стекает в трещины, проникает вглубь и течет, очевидно, под массой льда, проходя по мелкой известковой породе. Видите, сколько мути несет она!

Виктор щелкнул аппаратом.

У Алексея мелькнула интересная мысль — ледник в 1897 г. был у первого камня с буквами С. и Р., а теперь ушел далеко в глубь морен. Ледник отходит, нужно выяснить, как же быстро он отступает.

Сообщил ребятам. Живо растянули веревку и бегом вернулись к камню с буквами С. и Р. Через полчаса все уже было готово. За 30 лет ледник отступил на 522 метра.

Это был для ребят живой показатель исчезновения ледников в далеком прошлом. Они могли судить о прохождении, изменении и исчезновении ледников в Европе и Азии.

К СЕДЛУ

ПОЛЮБОВАЛИСЬ в последний раз на исток и повернули вправо, поднимаясь мореной вдоль края ледника. Через несколько минут между широких, зияющих трещин двинулись по льду, подернутому талым снежком. Нога ступала твердо. Идти было легко. Там и сям по бокам зияли трещины и расщелины, но они были четко видны и опасностью не угрожали. Впереди высились камни, засыпанные мусором и щебнем, прошли их и вышли на чистый лед. Часа через два трудного пути дошли до Раздельного гребня, где сходились три ледниковых потока. Путь предстоял опасный.

Проводник остановился.

— Пойдем дальше или нет? Тут ходят только бывалые. Погинуть легко.

Присели отдохнуть, обсудить дальнейший путь.

Григорий волновался больше всех.

— Ехали на Белуху, а теперь отступать... Нет, не бывать этому.

Алексей, а затем и Виктор поддержали Григория.

Закусили бутербродами, выпили по маленькой чашечке вина и двинулись дальше.

Впереди блесло стекло льдов, до боли режущих местами глаза ослепительным отраженным светом.

Осмотрелись кругом. Идти дальше, казалось, некуда. Прямо и на запад — неприступные скалы льда. На восток легче, но ледник падает крупными каскадами, на которые не залезть ни при каких условиях. К тому же слышался треск, и

огромные глыбы отваливались со своих мест. Влево торчали каменные громады морены.

Двинулись к камням. Они нагромодились один на другой, взбираться на них часто невозможно и надо вилать из стороны в сторону, чтобы найти, где зацепиться и залезть на них. Иные лежали так нетвердо, что при первой зацепке за них срывались и летели вниз.

Но все же с громадными усилиями полезли между камней, пользуясь альпийскими палками, веревками и гвоздями на сапогах.

Шли снова по льду, надев на себя веревку, чтобы, если кто сорвется, покатится, упадет, другие могли сразу помочь ему.

К вечеру добрались до второго верхнего ледопада. Остановились на россыпях морены и без слов повалились на камни.

На сегодня путь кончен. Дальше нет сил идти, да и поздно.

Обрали на камнях сушинику, можжевельника, распластавшегося на каменной почве, развели костер, вскипятили чайник.

Но прошла усталость и через каких-нибудь полчаса отправились осматривать окрестности.

Ледник круто вздымался вверх, разорвавшись на хитро-сплетенную сеть трещин. Всюду громоздятся глыбы льда, в беспорядке разбросанные по всему полю. Трещины зияют огромными пастями, отливающими то зелено-голубым светом, то темной синью, то красным налетом снега, кое-где перекинуты снежные мосты, на которые не всегда можно ступить, легко вместе с ними оборваться в пропасть.

По этому пути проводник вести отказался.

На утро шли новой дорожкой, менее опасной, обходя рискованные места, с каждым шагом приближаясь к впади огромного серебряного седла. Дошли до мелкой россыпи льда, смешанного со снегом на высоте 3045 метров. Здесь, под камнями, проводник показал спрятанные профессором В. В. Сапожниковым в 1898 г. термометры, записывающие изменения температуры.

Перед путешественниками высилась белая шапка купола, на которую надо было влезать. Подниматься было невероятно тяжело. Толстый слой снега проваливался, и брести по нему приходилось по колено и глубже, все время делая повороты направо и налево, так как прямо подниматься не представлялось возможным. Там и сям вдали виделись следы огромных обвалов снега. Раза два до слуха путешественников доносились раскаты грохота от срывов снега.

Шли молча.

Часа через три обошли купол и узкой полосой льдов, разорванных трещинами, двинулись дальше. Впереди расстиралось ровное поле седла. Справа и слева высились два огромных купола Белухи. Достигли крепкого снега и двинулись к поднимающемуся обрыву седла.

Светило солнце и было сравнительно тепло. Градусник, захваченный с собой, показывал два градуса холода. И это в самую жаркую пору лета.

Ребята достигли высоты 4050 метров над уровнем моря.

Дальше идти некуда. Подниматься на купол седла было бы безумством. Никаких путей. Лед, скалы, снег и крутые, обледеневшие обрывы. На купол поднимались только братья Троицы в 1914 г. Кроме них, там никто не бывал.

Ребята сели на лед.

Отсюда открывалась прекрасная панорама.

Целое море гор—синие, лиловые, зеленые, скалистые, серые и кое-где белые шапки снегов. Отсюда синими жилками текут горные потоки, грядой растянулись Теректинские белки. Где-то синим глазком блестело озеро.

Надо было спешить засветло до дома.

КОСТЫЛИ НА КЕДРАЧАХ

ВОТ И КОНЕЦ,—вдохнул Алексей, когда лошади начали удаляться от ледников Ойротского Алтая.—Конец. Завтра уже будем в Казакстане. Посмотрим рахмановские ключи—и на Бухтарму. А там что? Плоты, пароход, железная дорога и снова Улала. Через неделю, десять дней Алтай останется за нами.

— Покупаемся зато в ключах,—заметил Виктор, поправляя разбухшую от растений сетку.—Тут, брат, сколько ледниковых набрано. Ого-го! Это будет прямо вклад в наши музей. Серьезно.

Сперва дорога идет вниз, затем опять влезает вверх, обходит Берельские ледники, спускает в долины к кричащим рекам, заходит на высоты, где ютится стелющийся кедр, и медленно, но верно идет к понижению. Опять морены, истоки, болота, сухие долины, скалы и далекие ледники.

Через двое суток перед путешественниками открываются Рахмановские ключи.

На плоском каменистом холме раскинулось несколько домиков, где останавливаются для лечения. Отдельно стоят деревянные постройки—ванные. Все крайне примитивно. В земле вырыт небольшой колодец, поставлен сруб, и в этих колодцах больные принимают ванны. Температура воды колеб-

Рахмановское озеро

лется от 28 до 42 гр. Целсия круглый год. Они мало содержат минеральных веществ, казалось бы, не должны иметь значительных целебных свойств, но присутствие в них радия повышает значение ключей.

Сюда съезжается значительное количество больных, — главным образом, ревматиков. Сообщение крайне трудное, проехать можно почти от Бухтармы только верхом, что часто недоступно для тяжело больных, но возвращаются обычно они, гордо сидя на седле.

Вокруг курорта много кедрачей. И вот больные, приехавшие сюда с костылями, тростями, оставляют здесь их, как знак исцеления, вешая на ветвях кедров, и они сотнями, тысячами висят во всех направлениях.

Сбежав с холма, в лесистой оправе — залегло большое, чистое Рахмановское озеро. Лес ошетинился и черным ершом глядится с крутого взъема в черную зеркальную гладь.

Ключи лежат на 2000 метров над уровнем моря, немного ниже границы лесов. С соседних гор хорошо видны ледники Белухи.

Ребята побывали у врача и отправились купаться. Теплая вода приятно нежила уставшее тело, и выходили из ванны бодрыми, освеженными. Вода давала большой заряд сил и энергии.

Всю усталость от большого, почти двухмесячного пути сняло, как рукой.

Ночью жгли костры на озере. Сделали легкий плот, положили на него сушнину и отвезли плот лодкой на средину озера. Зажгли. Яркий сноп искр взвился в темноте ночи и с треском рассыпался по воде. Огоньки язычками обнимали легкие веточки, вспыхивая в разных огнях.

И при вспышках освещались черные стены леса и мягкий бархат воды.

С холма любовались больные.

Ночь заволакивала все.

Отдыхали два дня.

Лошади подкормились и смотрели бодрими.

Предстояли еще два большие перегона—Берель и Катон-Карагай.

Озеро Арасан

Проезжали прекрасными путями по р. Арасанке, любуясь мощными водопадами.

От Берели выехали на красавицу Бухтарму, пре-вращающуюся скоро в большую сильную реку. Слав начинается только от Катон-Карагая, так как выше встречаются пороги, мешающие сплаву.

Тут уже трактовая тележная дорога, и через два дня путешественники остановились в большом селе Катон-Карагае.

Это уже был Казакстан.